

Academic Publishing House *Researcher*

РУССКАЯ СТАРИНА

Russkaya Starina

Журнал издается с 1870 года

№ 1 (7)

2013

Русская старина. 2013. № 1 (7)

Издается 2 раза в год.

Редакционная коллегия:

Д.и.н., профессор А.А. Черкасов (глав. ред.) (Российская Федерация),

К.и.н., доцент В.Г. Иванцов (Российская Федерация),

Д.и.н. Е.Ф. Кринко (Российская Федерация),

Д.и.н., профессор В.И. Меньковский (Беларусь),

К.и.н., доцент С.И. Дегтярев (Украина)

К.п.н., доцент А.М. Мамадалиев (Российская Федерация),

К.и.н., доцент О.В. Натолочная (Российская Федерация)

Редактор, корректор

Н.Ш. Сайфутдинова

Редактор-переводчик А. В. Рожкова

Технический редактор, электронная поддержка Н. А. Шевченко

Адрес редакции: 354000, Россия, г. Сочи,
ул. Конституции, д. 26/2, оф. 6

Сайт журнала: <http://ejournal15.com/en/index.html>

E-mail: evr2010@rambler.ru

Учредитель и издатель: ООО «Научный издатель-
ский дом "Исследователь"» - Academic Publishing
House Researcher

Подписано в печать 25.04.13.

Формат 21 × 29,7/4.

Бумага офсетная. Печать трафаретная.

Гарнитура Franklin Gothic Medium.

Усл. Изд. Л. 3,1. Усл. Печ. 3,7.

Circulation 500 copies. Order № 7.

© Редакция журнала «Русская старина», 2013

СОДЕРЖАНИЕ

Статьи и сообщения

Кринко Е.Ф. Трагедия в предгорьях Кавказа: судьба Армавирского партизанского соединения (1942–1943 гг.)	4
Черкасов А.А. Из истории российской северной деревни: Кереть	15
Кучерова И.И. Сочи – режимный: некоторые особенности в советскую эпоху	36
Хлынина Т.П. Историческое знание как тестовая методика анализа фона напряженности на юге России	39
Захаров Е.В. Новый кадастр сочинских пещер: быть или не быть?	45

Статьи и сообщения

**Трагедия в предгорьях Кавказа:
судьба Армавирского партизанского
соединения (1942–1943 гг.)**

Е.Ф. Кринко

Институт социально-экономических и гуманитарных исследований Южного научного центра Российской академии, Россия

Аннотация. В статье рассматривается создание и боевая деятельность Армавирского партизанского соединения в период Великой отечественной войны (1942-1943 гг.).

Ключевые слова: Армавирское партизанское соединение, Великая отечественная война, 1942-1943 гг.

В истории партизанского движения на юге РСФСР в годы Великой Отечественной войны немало трагических страниц, получивших известность только в последние годы, благодаря начавшемуся рассекречиванию архивов и введению в научный оборот новых источников [1]. К их числу принадлежит и непростая судьба Армавирского партизанского соединения, нашедшая отражение в документах Центра документации новейшей истории Краснодарского края (далее – ЦДНИКК): «Итоговом отчете о боевой и разведывательной деятельности Краснодарского штаба партизанского движения» и других материалах. Специальное дело посвящено расследованию обстоятельств гибели четырех партизанских отрядов [2]. К сожалению, в последние годы доступ к этим документам в ЦДНИКК ограничен. Немало сведений по рассматриваемой проблеме содержат воспоминания участников партизанского движения: оперативного работника Южного штаба партизанского движения майора В.Г. Самохина, заместителя командира по разведке Армавирского куста (соединения) В.Г. Древлянского, командира и начальника штаба Армавирского партизанского отряда Г.М. Кадушкина и Д.А. Скрипникова и других [3]. Составленная Г.М. Кадушкиным и Д.А. Скрипниковым «Краткая история боевых действий Армавирского партизанского отряда в Великую Отечественную войну» хранится в архивном отделе администрации г. Армавира (далее – АОАА) [4].

Работа по созданию партизанских отрядов на Кубани началась заблаговременно, осенью 1941 г., когда впервые возникла угроза оккупации

войсками вермахта территории Северного Кавказа. Заранее подбирались кадры для будущих отрядов, велись их подготовка и обучение, закладывались базы с продовольствием и боеприпасами. Но после того как угроза оккупации исчезла, все подготовительные мероприятия были свернуты и продолжены уже летом 1942 г., в момент нового немецкого наступления на юг. Только 27 июля 1942 г., когда войска вермахта уже подошли к самым границам Кубани, крайком ВКП(б) утвердил представленную Управлением НКВД дислокацию и состав партизанских отрядов, согласно которой создавалось семь кустов [5]. Четырнадцать отрядов, сформированных в районах, располагавшихся на востоке Краснодарского края, должны были войти в состав Мостовского куста. Позже, 3 сентября 1942 г. был утвержден кустовой штаб, его возглавил член бюро крайкома, заведующий политическим сектором краевого земельного отдела Н.В. Степанов. Но когда он прибыл в район предполагаемого расположения партизанских отрядов, большей части из них на месте не оказалось.

Практически сразу с началом оккупации распались отряды Новокубанского и Гулькевичского районов [6]. С отрядами г. Армавира, Успенского, Советского, Отрадненского, Удобненского, Спокойненского и Упорненского районов штабу куста не удалось установить связь. Командование Мостовского куста смогло взять под свой контроль только отряды Курганинского, Лабинского, Кропоткинского и Мостовского районов. Поскольку все они действовали на территории Майкопского куста, в конце октября 1942 г. их включили в его состав, а Мостовской куст перестал существовать.

Все это время о судьбе Армавирского, Успенского, Советского, Отрадненского, Удобненского, Спокойненского и Упорненского отрядов краевое руководство не имело никаких сведений. Это объясняется тем, что практически с самого начала своих действий данные отряды изменили место первоначальной дислокации. Отведенные им в этом качестве спокойненские леса только на карте выглядели сплошным зеленым массивом, в реальности же представляли собой редкие березовые кустарники, с многочисленными дорогами. Укрыться в них даже в условиях позднего лета и наступавшей осени было достаточно сложно.

Кроме того, при закладке баз еще до выхода отрядов в лес были допущены «грубейшие ошибки», нарушены «самые элементарные правила конспирации». Продукты и боеприпасы в лес к месту закладки возили колхозники, «которые в отряде не состояли, а при оккупации районов остались на оккупированной территории», некоторые из них впоследствии служили в полиции. В результате партизанские базы были захвачены и разграблены противником в первые же дни оккупации, а отряды на востоке Краснодарского края с самого начала стала испытывать определенные продовольственные трудности [7]. Вскоре они перебазировались к отрогам Главного Кавказского хребта, в район станицы Преградской. Здесь, на территории Карачаевской автономной области к ним присоединились два отряда из красноармейцев, оказавшихся в окружении, под командованием подполковника Гамзина и капитана Лукьянова, а также три отряда Ставропольского края – Преград-

ненского, Кировского и Ново-Александровского районов. Всего в партизанское соединение, состоявшее из двенадцати отрядов, входило 1066 чел. [8].

Командиром соединения стал первый секретарь Армавирского горкома ВКП(б) Л.М. Кривенко, как самый влиятельный партийный руководитель в преградненских лесах, комиссаром – председатель Армавирского горисполкома В.П. Малых, до этого девятнадцать лет прослуживший в РККА, начальником штаба – подполковник-танкист М.И. Колдубов, начальником особого отдела – начальник отдела НКГБ Советского района В.Г. Древлянский [9]. Был избран и специальный руководящий орган – Горный окружной комитет ВКП(б), первым секретарем которого стал Л.М. Кривенко, его заместителями-секретарями – Коробков и Карахаенко [10].

Впоследствии в одном из отчетных документов отмечалось, что первоначально «отряды представляли собою сплошь неорганизованную сырую массу, в военном отношении не обученную, не обстрелянную и, естественно, прямо к боевым операциям не пригодную. В отрядах появилась «партизанщина», так как в их составе преобладали районные руководители – «начальники», которых надо было приучить, то есть перестроить их на партизанскую военную жизнь, заставить понять, что они бойцы, а не командиры прежнего мирного периода. Районный «феодализм» сказывался на каждом шагу» [11].

В других документах отмечались такие недостатки, как слабая дисциплина, «боязнь противника со стороны отдельных командиров», а также их частая смена. Например, командиром Спокойненского отряда первоначально был председатель райисполкома Яковлев, комиссаром – второй секретарь райкома ВКП(б) Мальков. 4 сентября руководство отрядом сменили: командиром стал начальник районного отдела НКВД Смирнов, комиссаром – секретарь райкома ВКП(б) Соколов. Позже отряд возглавил третий секретарь райкома партии Козлов, а комиссаром вновь оказался Мальков [12]. Не было и тщательной проверки прибывавших лиц, в результате в отряды «проникли элементы», которые «оказались предателями и дезертирами» [13].

Впрочем, все эти недостатки были присущи и другим партизанским отрядам Кубани. Преодолевать их приходилось уже в ходе боевых действий, и в августе – сентябре 1942 г. партизаны Армавирской группы провели ряд удачных операций. В основном, они устраивали засады на дорогах, ведущих к перевалам через Главный Кавказский хребет, где в этот момент шли ожесточенные бои между частями 49-го горнострелкового корпуса вермахта, стремившегося прорваться к Черному морю, и подразделениями Красной Армии. Боевые операции, как правило, проводились каждым отрядом самостоятельно, при необходимости партизаны двух-трех отрядов объединялись.

Наиболее высокую оценку командования впоследствии заслужил Армавирский отряд, в «Итоговом отчете» о нем говорится как о «передовом отряде». В том же документе отмечалось, что неплохо действовал и отряд Советского района. Напротив, отрицательно характеризовались действия Упорненского отряда и ставропольских партизан [14]. 15 августа 1942 г. группа разведчиков Армавирского отряда во главе с комиссаром Г.М. Кадушкиным

уничтожила двенадцать немецких мотоциклистов недалеко от хутора Круглого. В конце августа партизаны под командованием Г.М. Кадушкина уничтожили немецкую автомашину и пятерых кинорепортеров в станице Преградской. Через несколько дней после этого оккупанты выявили семьи партизан Преградненского отряда и под конвоем вывели их из станицы для расстрела. Однако партизаны уничтожили конвой, освободив женщин и детей.

11 сентября 1942 г. двадцать армавирских партизан под командованием Ф.В. Лысенко и Г.И. Жданова взорвали мост на дороге, ведущей к Сухумскому перевалу, и уничтожили немецкую автомашину с 22 автоматчиками. В ответ 14 сентября оккупанты направили против партизан карательный батальон из станицы Преградской. Но партизаны устроили засаду вместе с воинским отрядом капитана Лукьянова и уничтожили свыше 100 чел. Через несколько дней оккупанты подтянули более крупные силы для разгрома партизан, подходившие тремя колоннами к их лагерю. Центральная колонна противника неожиданно столкнулась с Отрадненским, Спокойненским и Упорненским отрядами, менявшими место стоянки. В разгар боя удар с фланга нанес Армавирский отряд, в течение 20 – 30 минут колонна противника была разгромлена, он потерял только убитыми свыше 80 чел. Две другие колонны противника к месту боя не успели и вернулись назад [15].

В сентябре 1942 г. группа Гамзина вышла в верховья Лабы и совершила дерзкий набег на населенный пункт Бахмут [16]. Вплоть до конца октября 1942 г. отряды Армавирского соединения осуществляли боевые операции против оккупантов в верховьях рек Лабы и Урупа. Располагая недостаточным вооружением, в частности, имея всего 25 американских автоматов и небольшой запас патронов, они, судя по отчетным документам, провели 33 боевых операции, уничтожили свыше 800 военнослужащих вермахта, взорвали мосты через Лабу и Уруп, вырезали свыше 5 км проводов связи [17]. Приводимое количество уничтоженных солдат и офицеров противника вызывает серьезные сомнения, в партизанских отчетах нередко приводились завышенные данные о нанесенных врагу потерях, но проверить их не представляется возможным, по крайней мере, пока имеющиеся в архивах документы не станут доступными для исследователей в полном объеме.

Не имея связи с «Большой землей» и находясь фактически на автономном положении, Армавирское соединение вынуждено было самостоятельно решать вопросы обеспечения личного состава всем необходимым. Между тем захваченных с собой запасов продовольствия хватило только на первые полтора месяца, и более двух месяцев партизаны не имели ни хлеба, ни соли, питались только мясом. Постепенно выходили из строя одежда и обувь, заканчивались медикаменты, из-за плохого питания партизаны «переболели дизентерией и сплошным поносом». Боеприпасов также осталось лишь «на два часа горячего боя» [18].

Уже в середине октября резко похолодало, кормить находившийся в отрядах скот и лошадей стало нечем. Заснеженные перевалы закрылись до весны, и немецкое командование перебросило часть сил на запад, под Туапсе, надеясь здесь прорвать советскую оборону и выйти к морю [19].

В оголившемся лесу позиции партизан хорошо просматривались авиацией противника [20]. Оккупанты предлагали партизанам сложить оружие, обещая сохранить жизнь каждому, в случае же неповиновения грозились обрушить все свои силы на их разгром. При отсутствии зимней, а то и вообще любой обуви и теплой одежды, в голом лесу под снегом и дождем жить стало невозможно, существенно выросло количество заболеваний. В ночь на 22 октября 1942 г. в подножьях гор выпал глубокий снег, ударил мороз. Днем Л.М. Кривенко собрал на совещание всех командиров и комиссаров отрядов, и командование соединения приняло решение о переходе в верховья реки Белой, в тульские и майкопские леса, «на переформировку и одеть людей».

Впоследствии Л.М. Кривенко объяснял принятие данного решения не только нехваткой боеприпасов и продовольствия, но и утратой целесообразности пребывания отрядов в предгорьях из-за изменений стратегической ситуации. В своем отчете он писал: «...когда мы убедились, что дальше наша борьба на этом участке не является эффективной, так как движение немцев по коммуникации прекратилось, а по радио узнали о наличии туапсинского направления, – было принято решение спуститься с высоких гор Карачая под Майкоп, с тем чтобы действовать на линии фронта и в то же время установить связь с советской стороной, с частями Красной Армии. Таким образом, эта обстановка заставила принять решение о переходе отрядов с прежних мест базирования» [21].

Данное объяснение выглядит вполне обоснованным, за самовольное возвращение в советский тыл партизан и их командиров могли привлечь к ответственности как дезертиров с поля боя. К.И. Алиев утверждает, что Гамзин предлагал перейти в район Красной Поляны и Западной группе партизан Старополья во главе с секретарем Ставропольского крайкома партии И.П. Храмовым. Но тот отказался, так как понимал, что это приведет к подчинению отрядов первому секретарю Краснодарского крайкома ВКП(б) и руководителя Южного штаба партизанского движения П.И. Селезневу, а значит, испортит его отношения с первым секретарем Ставропольского крайкома ВКП(б) М.А. Суловым. В результате в декабре три оставшихся отряда Ставрополья погибли [22].

Для организации перехода все отряды были разделены на три колонны. Первую из Армавирского, Успенского, Советского и двух военных отрядов возглавило командование соединения – Л.М. Кривенко, В.П. Малых и В.Г. Древлянский. Однако фактически в пути ею руководил подполковник Гамзин. Через два дня после ее выхода должна была отправиться в путь вторая колонна, в которую вошли Отрадненский, Удобненский, Спокойненский отряды, во главе начальником милиции Отрадненского района Дементьевым, командиром Отрадненского отряда. Третью колонну составил Упорненский отряд во главе с его командиром М.И. Сенниковым – бывшим заведующим отделением Лабинского элеватора и комиссаром Т.С. Клепиным – секретарем Упорненского райкома ВКП(б).

Заранее были определены маршруты движения и время пребывания в пути, составлявшем 300 км. Поскольку слабые бойцы не могли выдержать перехода через линию фронта, командование пошло на тяжелое решение, постановив «очистить» отряды от больных, оставив их за заставой перед уходом за Лабу [23]. Всем раненым, пожилым и ослабевшим партизанам предложили разойтись по окрестным населенным пунктам. Впоследствии значительную часть из них оккупанты поймали и казнили, проводших длительное время в лесу партизан выдавал соответствующий запах одежды.

Переход продолжался пятнадцать дней и сопровождался серьезными трудностями, партизанам «приходилось преодолевать необыкновенно трудные спуски или головокружительные подъемы», форсировать Большую и Малую Лабу. Берега рек были уже покрыты льдом, а партизаны, догола раздевшись, переходили их вброд при глубине свыше метра. В населенных пунктах находились гарнизоны из солдат вермахта и местная полиция. В лесничестве под хутором Курджиново большой отряд полицейских пытался нанести удар по колонне, но был разбит и разогнан, партизаны захватили 33 оседланных лошади с привьюченными бурками. В районе хутора Бугунжа другой отряд полицейских устроил засаду, но конный взвод армавирских партизан под командованием И.Н. Горба нанес им удар в спину и принудил к бегству [24].

9 ноября 1942 г., преодолев все трудности, колонна по висячему мосту перешла на левый берег Белой и вышла к поселку Хамышки, где располагался штаб Майкопского куста. По радиации партизаны связались с Краснодарским краевым штабом партизанского движения, находившимся в Сочи. Согласно полученному оттуда приказу, 205 красноармейцев и командиров, входивших в отряд подполковника Гамзина, 11 ноября отправились через Белореченский перевал в Сочи, где были включены в ряды действующей армии. Вместе с ними ушли больные и наиболее истощенные партизаны. Остальные после отсева «людей, не нужных в отрядах», вошли в состав Майкопского куста. Спокойненский и Успенский отряды разместились в станице Темнолесской, Армавирский отряд, насчитывавший к тому времени 57 чел., в – поселке Сахрай (Новопрехладном).

Иная судьба ожидала вторую и третью колонны, дважды переходившие через Лабу, но оба раза возвращавшиеся обратно, в район спокойненских лесов, не выполнив приказа. В результате Спокойненский, Удобненский, Отрадненский и Упорненский партизанские отряды так и не смогли выйти из тыла противника. 6 ноября они направили в Хамышки разведку из десяти человек во главе с командиром Удобненского отряда, секретарем райкома партии П.А. Мамонтовым. Его задачей являлось установить связь со штабом и получить от него соответствующие указания, «как быть оставшимся отрядам».

14 ноября разведчики добрались до села Хамышки, но, как позже сообщалось в документах, «никто из командования сводных отрядов Армавирского куста и командир Майкопского куста – секретарь крайкома ВКП(б) тов. Попов М.С., находившийся в Хамышках, точных указаний не дали, а предложили ему ожидать в Хамышках указаний из краевого штаба парти-

занского движения из гор. Сочи» [25]. Из краевого штаба в течение 37 суток никаких указаний тоже не поступало. 21 ноября Л.М. Кривенко вылетел самолетом в Сочи для доклада краевому штабу партизанского движения. Прождав безрезультатно пятьдесят суток, разведчики 25 декабря 1942 г. вернулись в Спокойненские леса, где должны были находиться их товарищи, но никого из партизан уже не нашли. Большинства партизан, оставшихся в тылу противника, к тому времени просто не было в живых.

Командование четырех отрядов пассивно ждало возвращения разведки и ничего самостоятельно не предпринимало. У партизан закончилось продовольствие, они не имели ни необходимой одежды, ни обуви, крайне мало осталось боеприпасов. Среди бойцов начались массовые заболевания, падала дисциплина, 26 чел. дезертировало. Боевых операций, даже с целью получения трофеев, отряды не вели. Когда даже рядовые бойцы стали требовать проведения боевых действий, находившиеся в Спокойненском отряде районные руководители отговаривали их: «Действовать мы будем, но еще не время, вот начнется наступление Красной Армии, тогда мы и начнем бить немцев». В качестве аргументов они приводили немецкий приказ о том, что за одного убитого партизанами немецкого солдата будет расстреляно пятьдесят, а за офицера – сто колхозников: «Своими действиями мы можем обострить отношение с населением и поддержки у него иметь не будем. Мы свое еще возьмем» [26].

В начале декабря отряды вторично подошли к реке Лабее, но, ввиду полного истощения сил, не смогли продвинуться дальше. Командиры окончательно отказались от дальнейших попыток пробиваться к линии фронта и 7 декабря на совещании приняли решение о роспуске отрядов. 10 декабря они распустили отряды и объявили бойцам, чтобы «каждый избрал себе путь спасения и пробирался по своему усмотрению». Мелкими группами, по 3–5 чел., партизаны стали возвращаться домой, в свои станицы, где большинство из них арестовала полиция. Всего из 450 чел., состоявших в четырех отрядах, погибли почти две трети – 295 партизан. 245 чел. было схвачено, замучено и расстреляно, 2 – повешено, 48 – пропало без вести. Особенно значительными потери представляются в сравнении с предыдущими: за 3,5 месяца боевых действий партизанские отряды потеряли убитыми в боях всего 19 чел. [27].

Впоследствии гибель партизан Спокойненского, Удобненского, Упорненского и Отрадненского отрядов стала предметом специальных расследований. Были признаны ошибочными и действия Краснодарского краевого штаба партизанского движения, который «проявил медлительность в оказании помощи и установлении связи с оставшимися в тылу партизанами», и командования Армавирского куста, не обеспечившего «контроля за выполнением своего приказа о выводе отрядов из вражеского тыла», и самих отрядов, принявших «неправильное решение о роспуске». Уже после освобождения территории Кубани на лиц, признанных ответственными за разгром отрядов, были наложены партийные взыскания [28].

27 ноября Краснодарский крайком ВКП(б) принял постановление «О действиях партизанских отрядов Армавирского куста», в котором отмечалось, что они «действовали неудовлетворительно» на территории Карачаевской автономной области. Командирам ставилось в вину, что «вместо мобилизации отрядов партизан на выполнение указаний ЦК ВКП(б) и приказов Сталина о дезорганизации тыла противника и вместо установления связи с краевыми организациями вывели половину партизанских отрядов из тыла врага на советскую территорию».

Постановлением был утвержден Армавирский куст вместо Мостовского в составе одиннадцати отрядов, включая погибавшие в это время во вражеском тылу отряды Спокойненского, Удобненского, Упорненского и Отрадненского районов. Командованию куста предписывалось «обеспечить вывод всех отрядов в тыл противника, активизировать их действия и решительно пресекать боязливость и неуверенность». Один из пунктов постановления предусматривал помощь отрядам в продовольствии, обмундировании, медикаментах. Об этом предполагалось запросить представительство Центрального штаба партизанского движения при Военном совете Закавказского фронта. Кроме того, в постановлении говорилось: «Предупредить командование отрядов, что в дальнейшем обеспечение отрядов боеприпасами, продовольствием и обмундированием должно производиться исключительно из трофеев, отбитых отрядами у противника». Принятое решение оказалось запоздалым и совершенно несоответствующим ситуации.

Организация Горного комитета ВКП(б) признавалась нецелесообразной, секретарям райкомов ВКП(б) предлагалось держать связь непосредственно с крайкомом партии через его представителя в кусте. В соответствии с этим постановлением 3 декабря 1942 г. краевой штаб издал приказ № 009 о создании Армавирского партизанского куста, местах его базирования и боевых задачах [29]. Однако на практике новое Армавирское соединение «второго формирования» не стало действующим: часть отрядов, с которыми так и не установили связь, вскоре погибла, остальные выполняли различные боевые задачи в составе других кустов.

В самом конце 1942 г. армавирских партизан ожидало еще одно серьезное испытание. По приказу штаба Майкопского куста новопоходненский партизанский гарнизон готовил налет на станицу Баговскую в ночь на 31 декабря. Но противник узнал об этом и опередил партизан. Утром 30 декабря 1942 г. до батальона немецких пехотинцев, эскадрон казачьего полка им. Платова и местные полицейские, используя минометную батарею, 1–2 противотанковые пушки, тяжелые и легкие пулеметы, внезапно напали со стороны станиц Даховской, Баговской и с севера на Новопоходное. По данным штаба Майкопского куста партизанских отрядов, нападавшая группа противника имела 600 штыков, 28 минометов и 6 станковых пулеметов. В это время в Новопоходном находились Армавирский, Лабинский, Кропоткинский, Тульский, Шовгеновский, Ярославский партизанские отряды и часть Курганинского отряда.

Во время нападения немцев Шовгеновский, Курганинский и Ярославский отряды, не приняв боя, отошли по направлению к поселку Киша. Часть Кропоткинского отряда вместе с командиром И.Д. Морозовым, Лабинский отряд с комиссаром И.А. Якименко и Тульский отряд № 2 во главе с заместителем командира по разведке Г.Г. Кузеловым приняли участие в бою, но после непродолжительного времени также отошли к поселку Киша. Армавирский отряд по тревоге занял оборону, прикрывая подходы к Ново-прохладному со стороны Даховской, и вступил в бой с немцами. В рапорте командования Армавирского куста партизанских отрядов в краевой штаб от 7 января 1943 г. подчеркивалось: «Командир т. Кадушкин и комиссар т. Васильев находились в бою до его исхода и вели себя смело». Тем не менее, попав под сильный минометный, орудийный и пулеметный огонь и не имея поддержки и прикрытия со стороны других отрядов, армавирцы стали с боем отходить в центр станицы. Задержав продвижение превосходящих сил противника в течение 3 ч, находясь в окружении, отряд потерял убитыми 26 чел., 2 чел. пропали без вести, один из них был тяжело ранен.

В рапорте приводился в качестве примера героического поступка «павший в бою пулеметчик Белявский», который из ручного пулемета выпустил 18 дисков, затем разобрал и разбросал пулемет, отмечалось: «Подобно дрались остальные». В других отрядах было ранено 3 чел. и не возвратилось еще 3 чел. После того, как оставшиеся бойцы Армавирского отряда вырвались из окружения, оккупанты вошли в село и учинили расправу над мирными жителями, сожгли жилые постройки. Всего было расстреляно, замучено и сожжено до 50 местных жителей, до 150 женщин, детей и стариков угнано в Даховскую, оставших добили прикладами и расстреляли. Немцы потеряли 3 офицеров, 20 солдат, 2 полицейских; 40 чел. было ранено [30].

Командование куста, проведя совещание с руководством отрядов, установило, что общего плана обороны у партизанского гарнизона села Ново-прохладное не имелось, разведка и конспирация были организованы слабо, в отрядах не хватало вооружения, а «часть командиров, комиссаров и секретарей РК ВКП(б) труслили и бежали из Ново-прохладного впереди рядовых бойцов». Партизанским отрядам приказали учесть недостатки и продолжать нести оборону села «путем усиления разведки и массовых засад, прикрывая подходы к нему со стороны ст. Даховской, Баговской и других направлений, имея в виду их как боевые сектора». Между отрядами были распределены конкретные участки обороны [31].

Самый кровопролитный бой кубанских партизан оказался одновременно и одним из последних для них крупных столкновений с противником, в начале января 1943 г. советские войска перешли в наступление на Северном Кавказе. Вместе с ними продвигались и отряды Армавирского куста. 23 января 1943 г. был освобожден Армавир, а 3 февраля в город вернулся партизанский отряд. За все время оккупации он потерял 30 чел. убитыми и 2 чел. получили ранения. По словам командира и комиссара отряда: «Армавирские партизаны в течение шести месяцев, с достоинством пронесли знамя борьбы по тылам врага, нанося ему чувствительный урон» [32].

Эти слова, сказанные почти три десятилетия назад, вряд ли в реальности применимы к судьбе всего партизанского Армавирского соединения, в драматической истории которого отразились многочисленные проблемы развития партизанского движения на Кубани в целом. Свою роль сыграли своеобразные «болезни роста»: организационные трудности, связанные с неожиданной оккупацией, недостатки в подборе кадров, материально-техническом обеспечении и снабжении отрядов. Особенно тяжело сказалось отсутствие радиосвязи, на что специально обращалось внимание в «Итоговом отчете» [33]. Значительно осложнял деятельность партизанских отрядов и переход части населения на сторону противника.

В результате боевой путь Армавирской группы отрядов не стал той «летописью славных дел», которой нередко изображалась история партизанского движения в советской историографии. Разгром четырех отрядов стал следствием, прежде всего, безответственности их командиров, а также отдельных краевых руководителей, ничего не предпринявших для организации спасения нескольких сотен партизан. Подобное безразличие к судьбе «обычного» человека демонстрировала вся советская система управления в целом, и поведение партизанских руководителей Кубани в этом отношении не было исключением. Тем не менее, несмотря на понесенные тяжелые потери, партизаны Армавирской группы внесли свой вклад в дело обороны Кавказа.

Примечания:

1. Кринко Е.Ф. Жизнь за линией фронта. Кубань в оккупации (1942 – 1943 гг.). Майкоп, 2000; Никулина Е.В. Истребительные батальоны Ставрополя и Кубани в годы Великой Отечественной войны (1941 – 1945 гг.). Дисс... канд. ист. наук. Пятигорск, 2005; Евтушенко Ю.Л. Партизанское движение на Кубани в период Великой Отечественной войны. Дисс... канд. ист. наук. Армавир, 2005; Кринко Е.Ф. Майкопские партизаны. Майкоп, 2007 и др.
2. ЦДНИКК. Ф.4372. Оп.1. Д.17а, 43.
3. Там же. Ф.1774-Р. Оп.2. Д.904, 949, 1160.
4. АООА. Ф.Р-1271. Оп.1. Д.32.
5. Кубань в годы Великой Отечественной войны. 1941 – 1945: Рассекреченные документы. Хроника событий. Кн.1. Хроника событий 1941 – 1942 гг. Краснодар, 2000. С.310.
6. ЦДНИКК. Ф.4372. Оп.1. Д.17а. Л.122.
7. Там же. Д.43. Л.5.
8. Там же. Д.17а. Л.123.
9. АООА. Ф.Р-1271. Оп.1. Д.32. Л.2.
10. ЦДНИКК. Ф.4372. Оп.1. Д.43. Л.6.
11. Кубань в годы Великой Отечественной войны... С.541.
12. ЦДНИКК. Ф.4372. Д.43. Л.16.
13. Там же. Л.5.
14. Там же. Д.17а. Л.126.

15. АООА. Ф.Р-1271. Оп.1. Д.32. Л.2-3.
16. Алиев К.-М. Свет и тени партизанской войны. М.-Ставрополь, 2003. С.73.
17. Кубань в годы Великой Отечественной войны... С.590.
18. Там же.
19. Тике В. Марш на Кавказ. Битва за нефть 1942/1943. М., 2005. С.143 - 144.
20. ЦДНИКК. Ф.1774-Р. Оп.2. Д.956. Л.17.
21. Кубань в годы Великой Отечественной войны... С.591.
22. Алиев К.И. Указ. соч. С.73.
23. Кубань в годы Великой Отечественной войны... С.591.
24. АООА. Ф.Р-1271. Оп.1. Д.32. Л.4.
25. ЦДНИКК. Ф.4372. Оп.1. Д.43. Л.7.
26. Там же. Л.8.
27. Там же. Л.9.
28. Там же. Л.2-3.
29. Кубань в годы Великой Отечественной войны... С.593 - 594.
30. Там же. С.656 - 657.
31. Там же. С.658.
32. АООА. Ф.Р-1271. Оп.1. Д.32. Л.6.
33. ЦДНИКК. Ф.4372. Оп.1. Д.17а. Л.21.

Из истории российской северной деревни: Кереть

А.А. Черкасов

Национальный исследовательский Томский государственный университет,
Россия

Аннотация. В статье с привлечением редкой литературы и архивных источников рассмотрена история селения Кереть (современная территория республики Карелия). Раскрыты демографические, культурные и экономические вопросы жизни села.

Ключевые слова: село Кереть, поморы, история, святого Варлаам.

Историю села Кереть можно, вполне обосновано, разделить на два периода: дореволюционный и советский. Каждой из этих эпох были характерны свои особенности и селение развивалось с учетом конкретно сложившейся обстановки в государстве. Попытаемся в хронологическом порядке рассмотреть историю села Кереть.

Дореволюционный период. В историческом прошлом территорию Лоухского района (Кереть находится в административном подчинении у данного района) занимали первобытнообщинные племена саамов (лопарей), карелов. В XII веке начинается заселение территории русскими. Осваивая новые богатые рыбой и зверем территории, развивалось земледелие. В XVI веке в Поморье ведущим промыслом стало солеварение и в первые, в это время упоминается о добыче слюды и жемчуга. В XVI–XVII вв. здесь проходит торговый путь из Поморья в Остербонию (Швеция).

Село Кереть – одно из старейших населенных пунктов Республики Карелия. Историки относят его возникновение к концу XV – началу XVI вв. Название села происходит от саамского гиера – верхушка, макушка, верховье реки. Или же от саамского «керет» — керезжка (саамские сани в виде лодки) [1].

В актах Соловецкого монастыря 1520 года от 12 октября имеется купчая Семена Андреева, сына Худокуя на угодья по реке Керети, проданные Василию Родионову сыну Синице. «...В Керети реки промеж волощане куде топор ходил и коса, и с лешьшими и с водяными угодьи. А взял есми у Василья у Синицы на своем посильи сорок алтын денег московским числом». Там же имеется купчая от 4 октября 1540 года Ивана Маковеева сына Чукчи на угодья в Чупе, проданные Логину сыну Цветнову [2].

Историком Соловецкого монастыря Досифеем Кереть упоминается в связи с примечательным событием – произошедшим в 1542 году землетрясением.

Важнейшим промыслом Поморья в XVI в. было солеварение. Из одной Керетской волости вывозилось в год соли до 130 тыс. пудов [3]. Заметное место среди поморских промыслов, и прежде всего в Керети, занимала до-

быча слюды-мусковита. Опричник Генрих Штаден, в середине XVI в. побывавший на Севере, отмечал, что в Керети «люди кормятся от стекла, которое добывается из земли. Оно разрывается на тонкие листы, а потом из него делают окна». Добывался в волости и жемчуг, но в незначительных количествах, причем, каждое «лучше десятое зерно» шло в казну великого князя. В 1563 г., по данным писцовых книг, в Керетской волости было 60 крестьянских дворов с населением в 80 человек, 8 мельниц, один торговый амбар и 44 соляных варницы [4].

В XVI веке Кереть становится вотчиной Соловецкого монастыря, в ней возводится укрепленный острожец [5].

В XVI–XVII вв. Кереть не раз подвергалась нападению внешнего врага. Так, например, в сентябре 1589 года финский отряд Пекки Весайнена разорил Кереть. В 1590 году отряд регулярной армии шведов численностью 700 человек сжег Кереть повторно. Чтобы дать возможность оправиться от разорения, Керетская волость была на два года освобождена от торговых пошлин и земских повинностей. В 1615 г. нападение неприятеля повторилось [6].

В дозорной книге Шуерецкой волости в 1598 году отмечалось: *"Усть Понзимова речки тони: тоня Дмитров Наволок, тоня Великая Губа, тоня Черная Щелья. У Пурнаволока тоня Чюракина, у Шеломроги тоня Песчанка, у тони у Песчанки тоня Сухая Губа, да тоня Песчанка ж у Соловецкие межи у керетские у речки Кивиканды. Да в Шуерецкой же волости варничные пустые места: ...на керетской межи у ручья у Кивиканды Васильевское Кузьмика да его сына Остряковское"* [7].

Село славилось добычей речного жемчуга. Во времена Ивана Грозного в реке Кереть «освежали» потускневший жемчуг. Самая красивая девушка должна была сто раз окунуться с жемчужиной в реку. И она снова становилась сияющей. Секрет прост – в речной воде присутствует слабая кислотность.

По преданию керетские купцы подарили дочери Петра I – императрице Елизавете Петровне – ожерелье черного жемчуга, за что та в знак особой милости даровала старосте села привилегию – не ломать шапку перед царскими чиновниками. Керетское семужье стадо – особенное. Мясо этой семги отличается особой нежностью. Добывалась семга для Соловецкого монастыря. Об этом рассказывают рукописи еще XVI века [8].

Существует и несколько других преданий о керетчанах и Монарших особах. Так, имеется предание о том, как к царю ходили на поклон с жемчугом жители села Керети, находящегося также на берегу Кандалакшской губы. Так, одного крестьянина, который ходил с жемчугом к царю и получил от него часы, прозвали «Часовым». Другой керечанин нашел необычайно крупную жемчужину и понес ее в подарок царю. Царь в награду обещал ему дать все, чего только он ни пожелает. Тогда мужик стал жаловаться, что его преследуют крестьяне, и просил царя дать ему волю над всеми керечанами. Царь обещал ему дать волю над всей Керетью. И вот мужик, вернувшись домой, выстроил большой амбар, засадил туда крестьян, насыпал кругом

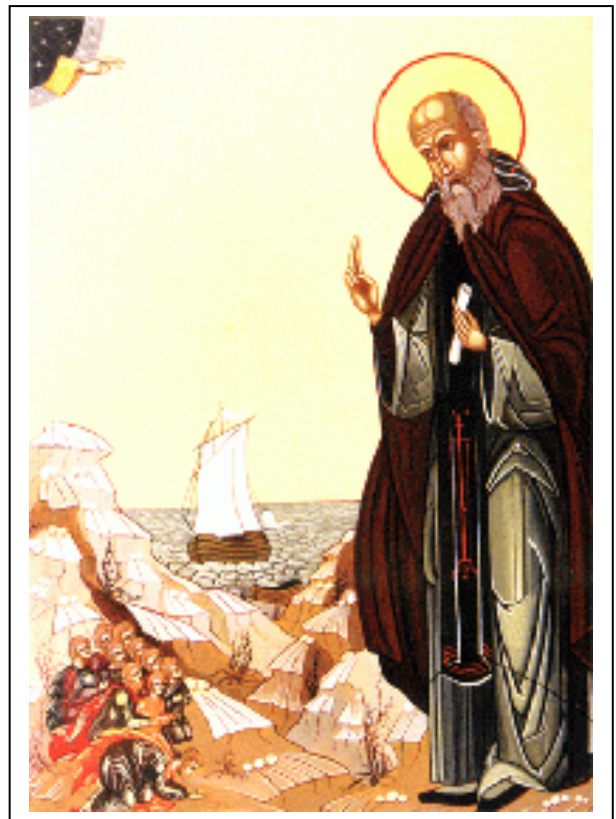
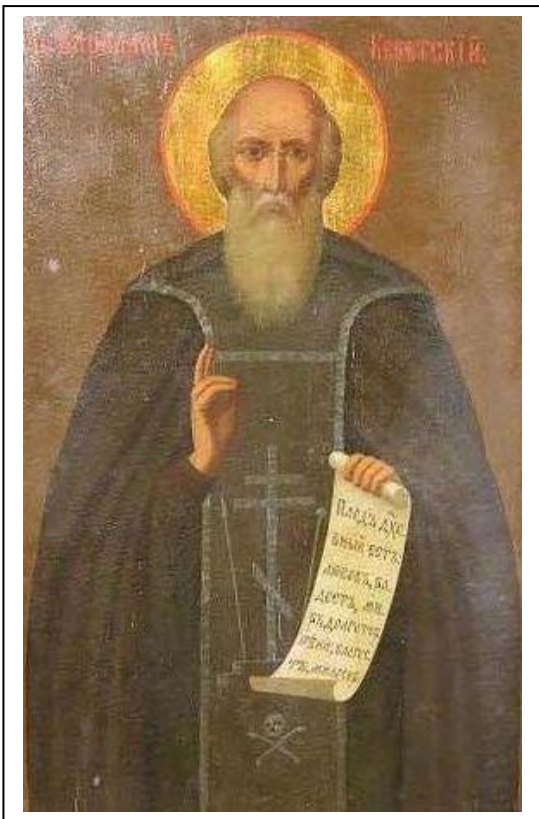

большие кучи хворосту, зажег его и спрашивает: «Керечане, вам не чадно ли?» С тех пор керечан стали звать «чадимыми» [9].

Кереть — место духовного подвига святого Варлаама, жившего в XVI в. и почитаемого как спасителя на море. Его тело было погребено в селе близ церкви святого великомученика Георгия. Поморы приезжали сюда во множестве, чтобы почтить память святого.

Православный люд всего северного поморья России в течение трех столетий обращался к нему в бедах и напастях, как к великому заступнику на море, почитая наравне с Николаем Чудотворцем. Все берега северных морей были уставлены обетными крестами, многие из которых сооружались в память о чудесных заступничествах преподобного Варлаама за попавших в беду поморов. Но прославлять чудотворца не спешили, соблазняясь тяжким грехом его юности. И только лишь в 1903 г., он оказался вписан в так называемый «Верный месяцеслов» и с тех пор имеет в календарях свой День памяти [10].

Святой Варлаам был реальным чудотворцем мореходов Северного океана, надежным заступником людей, что ежедневно вручали жизни свои в руки Божьи, доверяясь суровой стихии Белого и Баренцева морей. Именно там всем сердцем постигалась ими мудрость поморской поговорки: «Кто в море не хаживал, тот Богу не маливался».

Образы Преподобного Варлаама Керетского

Прежде, чем мы коснемся новых подробностей жития преподобного Варлаама Керетского, сохранившихся в древнем «Каноне», напомним вкратце суть непростой истории жизни этого удивительного святого XVI века.

«Повесть о преподобном Варлааме с Керети» [11] начинается со слов «в лета царя и великаго князя Иоанна Васильевича всея России самодержца...» И далее сообщается, что рождение и воспитание «имел Варлаам в Керецкой волости, что на море окияне».

Позже, как упомянуто в Повести, Варлаам служил священником в храме святителя Николая Чудотворца «в Колском граде». Он был ревностным и одаренным пастырем: «добре подвизаяся на невидимого врага козни». Однажды, по диавольскому внушению, Варлаам, заподозрив свою жену в измене, убил ее. Глубоко раскаявшись, «и недостойна себя судив, еже священная действовати», он принял на себя особый покаянный подвиг. Уложив тело жены в карбас (большая гребная и парусная лодка), Варлаам отплыл в открытое море и, «псалмы Давидовы пояше», взирал на дело своих рук «без сна пребываше, моля Бога со слезами об отпущении греха», готовый принять кончину в штормовом «Ледоватом море».

Однако Господь судил иначе и не посылал гибели Варлааму. В то же время, куда бы ни направлял свою лодку Варлаам – ветер ему всегда был встречный и крепкий: «плаваши против зельного обуревания». Такое скитание Варлаама продолжалось немалое время: «доволно время потрудився». Рыбаки и промышленники, встречавшие этого одинокого скитальца в Баренцевом море, у Святого Носа, и в Белом море, в районе Керети, уже принимали его лодку за видение. По преданию, такой тяжкий, постоянный труд «весла из рук своих не выпускаше» привел Варлаама к горбатости.

Касаясь продолжительности его хождений, житие указывает: «дондеже оно, мертвое тело тлению предастся», то есть пока тело не истлело в прах. И поскольку он уже «довольно время потрудился», но Господь так и не дал ему смерти, Варлаам захотел «извещение приять» от Бога – не прощен ли он. В то время у побережья мыса Святой Нос обитали страшные черви – моллюски, так называемые «корабельные сверлила», «иже творяху многи пакости над лодиями мореходцев», то есть протачивали днища морских судов поморов. «Став на молитву и руце воздев на небо», Варлаам был услышан Господом, и «черви те без вести» исчезли. Так Варлаам «путь сотворил мореходцам около Святого Носа» чистым и поныне. Вскоре «преподобный оставляет мир и бывает инок, и в пустыню вселився, и Божию помощию бесовские полки победив, с миром ко Господу отиде».

Далее в «Повести» приводится «Поведание от чудес преподобного», то есть описывается несколько случаев его чудесного заступничества за попавших в беду северных «мореходцев».

Такова дошедшая до нас весьма краткая «Повесть о преподобном Варлааме с Керети». Известный российский агиограф святитель Димитрий Ростовский адаптировал текст жития к современному звучанию слов, но по сути ничего не изменял, разве еще более сократил.

Молитва преподобному Варлааму Керетскому (села Керети, Архангельской епархии): «О преподобне отче наш, Варлааме! Яко имеяй дерзновение ко Господу, помяни нас, раб Божиих (имена), в молитвах твоих и всех нас моления, Богу возсылаемая, прими и Тому принеси ходатайственне. Молим тя, избави нас от всяких напастей и на мори от зельнаго обуревания и от потопления морскаго невредимы сохрани и от всех видимых и невидимых враг ненаветны соблюди, яко да твоими, святе, молитвами получим и вечных благ сподобимся, благодатию и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, Ему же слава, со Отцем и Святым Духом, ныне и присно, и во веки веков» [12].

В 1635 г. Кольский воевода Г.И. Волынцев, исцеленный явившимся ему Варлаамом Керетским, что святой «в небрежении, где на месте его, где положен, там и почивает», повелел «сотворити сень» над могилой святого (вероятно, речь идет о первоначальном погребении Варлаама Керетского в Чупской губе) и поставить крест (ныне находится в Благовещенской церкви в г. Кола). Позднее каргопольский купец Евфимий, спасенный Варлаамом Керетским от «потопления» на море во время шторма прибыл в Кереть и повелел «от имения своего поставити сень над гробом святого и свещу пред Спасовым образом вжигати». Позднее (1664 ?) останки преподобного перенесли в Кереть и погребли на востоке от алтаря церкви вмч. Георгия Победоносца. В 1664 г. поморы П. Буторин, И. Поснов и Е. Больнищев впервые записали случаи явления Варлаама Керетского и его чудотворений, записи делались со слов спасшихся от гибели моряков, рыболовов и промышленников, приезжавших в Кереть для поклонения мощам Варлаама Керетского.

В 1722 г. при разборке ветхих деревянных часовень были обретенны останки преподобного Варлаама, о чем причетники Керетской волости – вотчины Соловецкого монастыря – сообщили Холмогорскому архиеп. Варнаве (Волатковскому). 15 января 1723 г. указом Святейшего Синода из Соловецкого монастыря в Кереть был направлен иером. Иосиф для сбора сведений о житии и чудесах Варлаама Керетского, вскоре последовал указ Синода Холмогорскому архиерею об освидетельствовании мощей Варлаама. С этой целью в Кереть в январе 1725 г. приехали соловецкий иероманх Иона и священник Епимах Кононов. По их свидетельствам, нетленные мощи Варлаама Керетского почивали «в часовне, в земле... не во гробе», но в «поморской кережке (санях), облачен в черном русском кафтане, и оная кережка вся изгнила, а кафтан и мощи его, на главе его власы и брада, – все цело». Когда мощи преподобного внесли в алтарь церкви вмч. Георгия, «тогда-де от мощей его благоухание было видимо всем, подобно-де тому, как от росного ладана дым». Однако иером. Иона отказался засвидетельствовать это чудо (говорил: «Исходит от печи дым, а не благоухание»), вследствие чего архиепископ Варнава постановил до указа Синода положить мощи преподобного в кирпичный склеп под полом храма, совершать по Варлааму Керетскому «панихиды в дни приличные и в проскомидии и в литургии править и поминать». Синод не запретил почитать Варлаама, но признал сказания о чудесах недостоверными, а «кто хочет онаго поминать, тем не возбраняется».

В 1730 году академическая астрономо-геодезическая экспедиция, работавшая под руководством экстраординарного академика Петербургской академии наук Луи Делиль де ла Кройер, определила географические координаты Керети [13].

В 1769 г. сгорели обе церкви села, во время пожара мощи Варлаама Керетского вынули из склепа и отнесли за четверть версты от села (в настоящее время здесь стоит памятный крест). По преданию, от этого места в сторону пожара заструился ручей (след от него сохранился до настоящего времени), его вода помогла остановить распространение огня.

В 1772 году, обследуя побережье Белого моря, Кереть посетил академик Петербургской Академии наук Иван Иванович Лепехин. Дневниковые записи и рапорты Лепёхина об этой части путешествия считались утраченными, но были обнаружены в архивах в 1934 году.

В 1773 г., когда в Керети было закончено строительство двухэтажной церкви во имя вмч. Георгия, мощи Варлаама Керетского были перенесены в новый храм, в придел свт. Николая Чудотворца. Во время Крымской войны (1853–1856) при угрозе нападения английского флота на поморские селения священник Феодор Онуфриев испрашивал у правящего архиерея разрешения перенести мощи Варлаама Керетского на безопасное место, но разрешения не получил. 26 мая 1857 г. мощи преподобного пострадали в результате пожара, сохранившиеся частицы были уложены в раку, пожертвованную лесопромышленниками Савиными, и помещены во временной часовне. В 1867 г. построили новый храм во имя вмч. Георгия, мощи Варлаама Керетского поместили в северном пределе, посвященном преподобному.

Забегая вперед хочется отметить, что 22 мая 1949 г. Георгиевская церковь в Керети вновь сгорела, мощи Варлаама Керетского, часть уцелевшей утвари перенесли в избу-молеблю, в 1959 г. участник археологической экспедиции описал останки Варлаама Керетского: «Небольшие косточки темно-коричневого цвета хранились в деревянном киоте с разбитым стеклом». В 1960 г. последние жители покинули Кереть, молеблю сгорела, судьба ковчега с мощами Варлаама Керетского неизвестна.

В период царствования императрицы Екатерины II происходил процесс перевода так называемых церковных крестьян, к которым относились и крестьяне Соловецкого монастыря села Кереть, в специально созданную коллегию экономии. Так, в 1764 г. керетчане стали экономическими крестьянами, а в 1776 г. после упразднения коллегии экономии – государственными крестьянами (с подчинением казенным палатам). Статус и экономических крестьян, и государственных был одинаков – они были лично свободными, Несли государственные повинности. Платили денежные оброки вместо барщины и натурального оброка.

Керетский приход. Приход состоял из с. Керети, расположенного на берегу Кандалакшской губы, одного выселка и трех деревень в глубине материка. Почти все жители прихода придерживались раскола. В 1894 г. причастились только 8 человек из 453 прихожан – 3 мужчин и 5 женщин [14].

На основании устного предания была составлена церковно-приходская летопись. Согласно этой летописи, Кереть первоначально была вотчиной Соловецкого монастыря. Здесь были устроены соляные варницы и расчищены сенокосные поля. Рыболовные тони в нескольких верстах от села еще долгое время назывались «монастырскими». Соловецким монастырем были, вероятно, построены первые церкви: одна во имя вмч. Георгия и другая во имя свт. Николая Чудотворца, около которых находилась еще часовня во имя вмч. Димитрия Солунского.

Георгиевская церковь была построена в 1593 г., о чем говорилось в грамоте митрополита Новгородского Варлаама. Николаевская церковь построена по грамоте митрополита Афония в первой половине XVII в. Из жития преп. Варлаама Керетского Чудотворца видно, что Георгиевская церковь и в 1664 г. уже существовала, т.к. в этом году в нее были перенесены из Чупской губы мощи преподобного. В январе 1725 г. по указу Св. Синода мощи преп. Варлаама были освидетельствованы соловецким иеромонахом Ионой и десятским священником Кушерецкой волости Епимахом, после совершения Божественной литургии. Мощи были обреты нетленными. Затем, при большом стечении народа, мощи были перенесены в церковь вмч. Георгия, где они были положены около левого клироса. В 1769 г. обе церкви сгорели. Мощи св. Варлаама были вынесены и поставлены за четверть версты от села, где впоследствии был поставлен крест. По устному преданию, на месте пребывания мощей появился ручей, водой которого заливали горящие церкви и следы которого были видны многие десятилетия.

Около 1773–1774 гг. была построена двухэтажная церковь с двумя престолами: в верхнем этаже, где у левого клироса были поставлены мощи преп. Варлаама, – в честь вмч. Георгия и в нижнем – во имя свт. Николая Чудотворца. Этой церкви, как и другим церквям на Кемском берегу Белого моря, грозила опасность от англичан во время Крымской войны. Поэтому приходской священник Ф. Ануфриев просил у епархиального начальства разрешение на перенос мощей преп. Варлаама в безопасное место. В ответ на эту просьбу последовало распоряжение «до святых мощей... не касаться совершенно, следуя тому, что и Св. Синод касательно мощей почивающих в Соловецкой обители не дал никакого распоряжения» [15]. Но, оставшись невредимыми от рук врагов, церковь и мощи преподобного стали жертвами пожара, случившегося 26 мая 1857 г. из-за неосторожного обращения с огнем, причем сгорело все имущество верхнего храма и, кроме того, до 26 крестьянских домов. Вскоре в Керети была построена часовня, в которой поместили оставшуюся утварь и иконы из нижнего сгоревшего храма.

Новая церковь была построена в 1859–1867 гг. Престолы: главный – во имя свт. Николая Чудотворца, в южной части храма – во имя вмч. Георгия, в северной – в честь преп. Варлаама Керетского, останки святых мощей которого, собранные после пожара, хранились в новом храме, в раке, пожертвованной прихожанкой Н. Савиной. Усердием местных прихожан братьев Александра, Владимира и Алексея Савиных, во всех трех храмах в 1889 г. были устроены новые иконостасы, стоившие вместе с несколькими новыми

иконами 3000 руб. Рака с мощами была устроена в виде продолговатого ящика, покрашенного черной краской, с изображением креста. Рака была обнесена железной решеткой, окрашенной в зеленый цвет. Над ракой была установлена сень на четырех столбах, на ней украшенная резными узорами. На раке находился пятничный образ преп. Варлаама.

Жертвователи: учительница ЦПШ получала жалование 120 руб. в год из средств попечительницы школы Н. Савиной.

Священники: Михаил Плотников 1777–1788 гг.; Петр Семенов Ануфриев 1788–1800 гг. (из дьячков Керетского прихода); Григорий Михайлов Плотников 1802–1812 гг. (из пономарей); Никита Ануфриев 1813–1827 гг.; Иоанн Григорьев Плотников 1828–1843 гг. (из диаконов); Евдоким Абрамов Второй 1843–1846 гг. (Олонецкая ДС); Михаил Федоров Михайлов 1846–1851 гг.; Иоанн Логиновский 1851–1852 гг.; Федор Андреев Ануфриев 1852–1865 гг.; Александр Иоаннов Васильев 1866–1869 гг. (АДС, студент); Александр Алексиев Зуев 1869–1872 гг. (АДС, студент); Евгений Васильев Никифоров 1873–1875 гг.; Лев Стефанов Владимиров 1875–1883 гг.; Александр Ксанфиев Зимин 1883–1890 гг.; Владимир Макаров Видякин 1890–1891 гг.; Александр Матфиев Ильинский 1892–30.8.1894 (поступил в духовную академию) [16].

Однако вернемся к хронике событий. Финский фольклорист Элиас Леннрот приезжал в Кереть на неделю в феврале 1837 года. В своем дневнике он отмечал: *«Основной промысел жителей Керети – рыболовство. Начиная с середины и до конца мая через Кереть тянутся обозы. Едут люди в Кандалакшу и оттуда к Ледовитому океану на рыбную ловлю. Рыбак за лето может заработать 100–200 рублей. Они либо рыбачат для себя, либо нанимаются. В более состоятельных домах имеется от трехсот до тысячи сельдянок, которые продают в Архангельске по рублю».*

Описывая жизнь керетчан, Леннрот писал: *«В деревне ложатся спать часов в 5–6 и встают около 2 часов. Все долгое утро мужчины пролеживали на рундуке или на полотах, либо до завтрака привезут воз дров или сена. Женщины готовят пойло для скота, стряпают, варят похлебку. У женщин вся одежда покупная.*

Лен и коноплю закупают. Картофель совсем не сажают, либо сажают ничтожно мало. Считается грехом брить бороду и оставлять волосы нестриженными. Грешно курить, есть похлебку, оставшуюся с прошлого раза, брать печень и внутренности.

Господин Байтрам ведет контроль за торговлей казенным вином в Керети. Столы и стулья из Архангельска. Говорят, в церкви хранятся мощи некоего Варлаама, гроб которого висит привязанный к потолку. Этот Варлаам, совершив какой-то тяжелый грех, сделался набожным и впоследствии слыл как святой» [17].

Село Кереть всегда считалось богатым и зажиточным селом. Именно здесь проходил торговый путь из Поморья в Остербонию (Швецию). С XVI в. Кереть — соловецкая вотчина. Кроме Сумской и Кемской крепостей — основных опорных точек монастыря на Карельском берегу Белого моря — Со-

ловецкая обитель возвела острожец еще и в Керети. Сооружение уступало по своей мощности Сумскому и Кемскому детинцам, но это было самое настоящее средневековое укрепление.

В Крымскую войну Кереть ненадолго становится зоной боевых действий – в Керети высаживался английский десант. Это произошло 20 июля 1854 года англичане высадили десант в 150 человек, вооруженных шпагами и пистолетами. В селе они сожгли амбар крестьянина Старикова, винный подвал и соляной магазин. Из 3020 пудов соли местные жители успели спасти только 200 пудов [18].

Спустя два года, в 1856 г. Кереть посетил известный писатель, этнограф (позднее почетный академик Петербургской АН с 1900 г.) С.В. Максимов, по этому поводу он оставил следующую запись в своем дневнике: «Село Кереть, едва ли не самое лучшее из всех селений Карельского берега... Самая река Кереть... глядит как-то празднично: у побережья ее, ближе к устью, качается не одна, но пять лодей. Между этими крупными и безобразными судами видятся две шхуны, красиво срубленные по верному, толковому чертежу» [19].

В 1860-х гг. согласно записям в метрических книгах в селе проживали следующие семьи: Чумичевы, Лангуевы, Стариновы, Богдановы, Лапуховы, Савины, Каргуевы, Михнены, Логиновы, Меньшиковы, Кожевниковы, Курашевы, Юрьевы, Петровы, Гневашевы, Пономаревы и др. Наиболее крупными семьями были Чумичевы и Лангуевы.

В XIX в. ведущими стали рыбный и зверобойный промыслы. Во второй половине XIX в. в Карелии всё больший размах получают лесозаготовки. К тому времени в России была высока потребность в дешевом лесе. В 1879 г. купцы братья Савины основали в Керети лесопильный завод на каменном острове рядом с Керетью. Работал завод при помощи паровой машины, было три лесопильных рамы. На заводе у Савиных зарабатывали 4 золотых рубля в месяц. Тогда техники не было. Лес подавали на лошадях зимой. Пилили его только на экспорт. Стволы рубили не меньше 24 см в отрезе [20]. Село Кереть с 1880 г. стало промышленно-экономическим центром. Здесь соединялись морские пути с Мурманска и Архангельска, речные летом и санные зимой с Финляндией через Кестеньгу.

В 1895 г. архангельский губернатор А.П. Энгельгардт предпринял поездку по районам губернии. 14 июля губернатор посетил село Кереть. Вскоре после его поездки появилась книга-очерк, в которой в частности отмечалось: «...Это село представляет довольно крупный административный центр. Кроме волостного правления здесь имеют местопребывание мировой судья, становой пристав, сельский врач, лесничий и таможенный чиновник. Все сношения с Корелией производятся преимущественно через Кереть, отсюда же вывозится значительное количество сельдей, которых во время нашей стоянки было погружено на пароход около 1 тыс. бочонков. Село Кереть расположено подковой по берегу залива; когда мы подъезжали к селу, был чудный, чисто летний день, все население в праздничных нарядах толпилось на берегу, местные власти в карбасах подплыли к пароходу; Губернатор вместе с сопровождавшими его лицами сошел на берег, где ему были поднесены хлеб-

соль. Посетив церковь, школу и волостное правление, А.П. Энгельгардт, Инспектор телеграфов и инженеры отправились для осмотра железнодорожной просеки верст за шесть вверх по реке Керети на лодке, принадлежавшей мировому судье Богдановичу и лично им управляемой. В это время как раз по реке сплавливали лес для лесопильного завода Савина; звонко раздавались по воде песни сплавщиков, в особенности выделялся один голос, высокий баритон. К сожалению, за поздним временем и за невозможности пробраться между лесом, не удалось узнать, кто был певец.

В р. Керети и других речках Кемского уезда ловится довольно много жемчуга, невысокого впрочем качества; к нам на пароход местными промышленниками были привезены жемчужины для продажи и только что выловленные раковины с вросшими в них жемчужинами. Продавцы, по видимому, торговали хорошо, потому что многие из нас приобрели по несколько жемчужин на память. Вечером пароход "Чижов" двинулся далее. Обогнув мыс, у которого расположен завод Савина и где стоял огромный английский пароход, мы вышли в море» [21].

О купцах Савиных имеется воспоминание старожила села А.В. Морозовой: «А сам Савин был из Петербурга. И у него там был дом. У них здесь было много предприятий. Рыбный был промысел. Лесопильный завод.

Ездили на Грумант, тюленя добывали. Дедушка мой ездил, там и погиб. Шхуну зажало во льдах, их там десять человек было, все погибли. Это было в 1910 году.

Трое детей у бабушки осталось: маме было 10 лет, маминой сестре — 6 лет, а брату их, дяде Ване, — 4 года. Мама вспоминала, что Савин их не обижал, продуктами помогал.

У Савина стоял двухэтажный дом на горе. И в этом доме внизу была столовая, кухня. И у окошечка всегда сидела бабушка. Кто подходил хлеба попросить, всегда давали — и белого, и черного.

После революции Савин сдал все хозяйство, и в 1918 г. уехал в Петроград. А на кладбище похоронены его брат и жена.

У хорошего хозяина все хорошо было сделано. У Савина были Красные склады, бондарка (где бочки делали), салотопня (где тюлений жир топили и шили бахилы из шкур). На тонях обычно работало по шесть человек. Неводом рыбу ловили, ставили мерёжи. Свежую рыбу с тони сдавали на склад на обработку. У Савиных всё было предусмотрено для обработки: большие деревянные ванны, бочки для соления.

Все, что можно, возили в Архангельск. Было два парохода «Ольга» и «Елена». У него две дочки были — Ольга и Елена, и пароходы он так же называл.

Савин и клуб построил. Биллиардная была, большая библиотека. Сцена красивая была. Я там как-то раз выступала. Зал был большой, с галеркой для гостей.

Церковь строила его жена на свои деньги. Говорят, что она была очень верующая. Все в деревне ее уважали. На праздник Варлаама сюда из всех деревень съезжались» [22].

Во время революции лесозавод Савиных был конфискован. На керетском кладбище сохранились надгробия Федора Васильевича Савина и Алексея Федоровича Савина (30 января 1863 г. — 19 июня 1909 г.). Именно в Керети расцвел талант сказочника Матвея Коргуева.

Керетский таможенный пост. В начале XVIII в. в Керети было открыто волостное отделение Кольской таможни. Мы уже обращали внимание на то обстоятельство, что через Кереть проходил торговый путь. Разумеется, торговым путем пользовались и контрабандисты. Так, о проблемах контрабанды на Мурмане говорит предписание Департамента внешней торговли (главного таможенного ведомства) от 1838 г. о крестьянине Кольского уезда, селения Керети – Василии Савине, который каждое лето под предлогом, что идет на промысел к Мурманскому берегу, ходил в Норвегию и привозил оттуда контрабандные товары [23].

Для предотвращения контрабанды в 1892 г. в Керети был поставлен Керетский таможенный пост Кавдинской таможенной заставы [24], который просуществовал до 1 января 1926 г. На нем служило по штату надзиратель, три досмотрщика, классный канцелярский чиновник. Оклад составлял соответственно: старшего досмотрщика – 28, среднего – 23, низшего – 18 рублей.

Кроме этого, по рапорту надзирателю Керетского таможенного пункта Лихачеву для обучения 9-летнего сына в Архангельске выделялось ежегодно денежное пособие 120 руб. до поступления в одно из средних учебных заведений. По факту поступления должно ведомство выплачивать уже 240 руб. в год. При задержании контрабанды полагалась премия. Так, при задержании досмотрщиком пункта Яковом Кривополновым у крестьянина Егора Федорова 14 марта 1909 г. зажигательных финляндских спичек в количестве 31 пачки (310 коробков) на сумму 3,1 руб. досмотрщик был премирован на сумму 3 рубля 4 копейки. Зарплата выдавалась ежемесячно без задержек.

По сведениям Архангельской таможни в конце XIX в. к Керети было приписано: 1 пароход и 10 парусных судов, при этом в селе имелось 6 промыслов [25].

Штатом в 5 человек Керетский таможенный пункт приносил существенный доход в государственную казну в виде пошлины с привезенных товаров, корабельного сбора, сбора за гербовые марки и канцелярского сбора.

Управляющий Архангельской таможней разрешил построить 4-весельный карбас для Керетского таможенного пункта взамен пришедшего в ветхость. В июле 1908 г. был построен новый карбас стоимостью 150 рублей. Интересна опись инвентаря казенного движимого имущества, находившегося на Керетском таможенном пункте в 1897–1898 гг. В опись входило: портрет государя императора Александра III – 10 руб., стол, два шкафа, две этажерки – приобретенных на средства Савиных в 1894 году за 90 руб., ковер бархатный – 13, портфель кожаный – 15 руб. 75 копеек [26].

В 1913 г. при наеме квартир учитывались комиссионным путем условия проживания, в которые входило расстояние от пресной воды, «ввиду чего таможенные чины на доставку воды и на наем прислуги ввиду расположения

квартиры в отдаленном от центра селения переплачивают на приобретение привозных продуктов (мяса, рыбы, масла, овощей)». Комиссия в составе мирового судьи, лесничего Г. Васильева, сельского врача Г. Дунаева, чиновника почтово-телеграфного отделения, пристава Пушкарева установила стоимость оплаты на одно семейство 130–150 руб. в год.

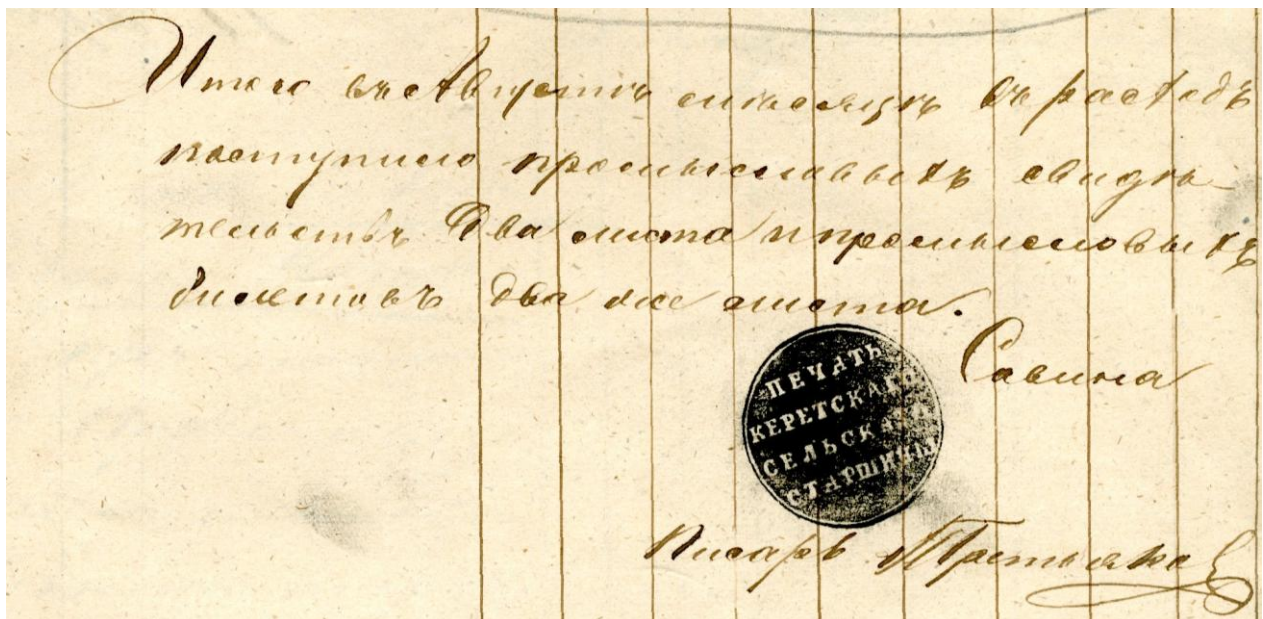
Начальство не только проявляло заботу о подчиненных, оно также контролировало семейное положение своих сотрудников. 1 мая 1901 г. досмотрщик пункта ефрейтор Оловянный в своем рапорте писал: «Покорнейше прошу вас разрешить мне вступить в законный брак с девицею Анною Ивановной Поповой». Надзиратель Керетского таможенного пункта Шадрин на рапорте наложил резолюцию: «Брак разрешаю» [27].

Администрация. После реформы 1861 г. управление селом осуществлял сельский старшина.

В 1865 г. Керетским сельским старшиной являлся Петров.

В 1869 г. Керетским сельским старшиной являлся купец Савин.

К 1907 г. Кереть переросла в более крупную административную единицу – Керетскую волость, старшиной волости являлся М. Савин, а Керетским старшиной – Л. Корыхалов.

Печать Керетского сельского старшины

Демография. Интересной представляется и демографическая ситуация в селе в пореформенный период (1861–1917 гг.).

Таблица 1

Демографическое движение [28]

годы	родилось			брако-сочета-лось		Умерло			Умерло - из них с момен-та рож-дения до 5 лет			Естественный прирост
	Мал.	Дев.	всего	пар	лиц	Муж.	Жен.	всего	Мал.	Дев.	всего	
1861	16	13	29	9	18	8	13	21	3	6	9	8
1862	19	20	39	5	10	26	14	40	14	9	23	-1
1865	18	13	31	4	8	11	8	19	2	5	7	12
1874	20	26	46	11	22	12	13	25	6	8	14	21
1904	26	28	54	10	20	17	8	25	11	5	16	29
1908	42	38	80	13	26	31	22	53	16	14	30	27
1910	39	29	68	11	22	16	17	33	9	12	21	35
1912	32	35	67	9	18	16	10	26	8	5	13	41
1917	27	31	58	14	28	27	25	52	14	13	27	6

Статистические материалы из метрических книг наглядно свидетельствует о положительном демографическом развитии села Кереть в указанные годы, лишь однажды смертность на одного человека превысила рождаемость. Однако имели место и эпидемии. Так, в 1875 г. в Керети вспыхнула эпидемия оспы. В результате в течение года болезнь унесла жизни 70 человек (мужчин – 46 и женщин – 24), помимо этого имело место и естественная убыль населения. Таким образом всего в 1875 г. умерло 92 человека, а родилось лишь 39, то есть естественный прирост составил -53 человека.

Высокой смертностью была среди детей. В среднем 50 % всех умерших составляли дети в возрасте с момента рождения до 5 лет. В приведенной таблице минимальным показателем является 7 умерших детей в 1865 г., однако в этом году 3 октября во время шторма в море утонуло сразу 7 человек, 6 из которых проживали в селе Кереть. Если вычесть из общего числа 6 утонувших, вероятнее всего на рыбных промыслах, то количество умерших детей превысит 50 % от числа умерших в селе за год.

Средний прирост населения в год составлял 19 человек. Таким образом село увеличивалось на 100 человек за каждые 5 лет, то есть за пореформенный период (1861–1917 гг.) население увеличилось более чем на 1 тыс. человек.

Производство. Население Керети не было однородным по составу, так как здесь проживали и поморы, и кореляки. Поморы были потомками древних Новгородцев и они продолжали сохранять дух предприимчивости и смелости своих предков. Близость к морю сделала из них отважных моряков и

промышленников, не останавливающихся перед далекими путешествиями на своих судах, построенных домашним способом.

Все мужчины уходили с ранней весны на промыслы, дома оставались только старики, дети и женщины. Женщины заведуют всем домашним хозяйством, занимаются местными промыслами, исполняют обязанности ямщиков, гребцов и нередко несут за своих мужей общественную службу и, нужно отдать им справедливость, выполняют ее всегда добросовестно и исправно [29].

Главный промысел, который питает поморское население, это Мурманский рыбный промысел. В рыбный промысел включался лов семги, сельдей и наваги.

Лов семги начинался вскоре после вскрытия рек и спада весенней воды, в первой половине мая, и продолжался, с перерывами летом, до конца октября. Лучшей семгой считалась так, которая вылавливалась в августе и сентябре. Лов семги, которая для метания икры стремилась из моря в реки, производится в устьях более широких рек переметами, поездами, а в верховьях по порогам – заколами. Весь осенний улов продается местным скупщикам. Обыкновенная цена семги в 1890-е гг. составляла от 8 до 12 руб. за пуд. Промыслом семги занимались преимущественно старики и женщины. Весенний лов семги начинался с первых чисел мая и продолжался до июля. Семга этого лова шла для местного потребления и распродавалась на месте по цене от 2 до 4 руб. Всего в 1894 г. семги было выловлено в Кемском уезде (в него входила Керетская волость), которая поступила в продажу, около 3,8 тыс. пудов, на сумму 32 тыс. руб. [30]

Сельдяной промысел производился в течение всего лета и осени, но наиболее благоприятным временем для улова считаются сентябрь и октябрь. Сельдь ловилась во всех заливах Белого моря, где она спасалась от морских зверей. Сельдь ловилась мережами, переметами и сетями. В 1894 г. улов был неудачный, всего по Кемскому побережью поступило в продажу, 39,6 тыс. пудов, на сумму 27,5 тыс. руб., а в более удачные годы улов доходил до 100 тыс. пудов [31].

Весь улов сельдей продается на месте скупщикам, как в свежемороженом виде, так и в копченном. Обыкновенная цена во время лова за 1 тыс. сельдей составляет от 50 коп. до 1 руб., а копченных 1,5 руб.

Наважьем промыслом население Керети практически не занималось, но, тем не менее, исключения были. Одна навага весит иногда до 2 фунтов [32], обыкновенная же величина ее 0,5 фунта. Большая часть улова шла на продажу. Цена колеблется в размере 40–60 коп. за сотню. Воз крупных наваг, около 4 тыс. штук, стоил на месте лова от 8 до 20 руб. Ежегодно вылавливалось на продажу от 8 до 10 тыс. пудов, или около 1 млн штук, на сумму до 4 тыс. руб. [33]

Время наважского промысла продолжалось с ноября по январь включительно.

Кроме семги, сельдей и наваги, по побережью Белого моря ловилась мелкая треска, зубатка, сизи и камбала, но эта рыба не составляла предмета

торговли и идет для местного потребления. Помимо этого в изобилии были ярчи и пиногоры, но эта рыба не шла в пищу, а высушивалась и отправлялась на корм скоту [34].

Кореляки в Керети занимались промыслом семги, сельдей и отчасти морских зверей. Корелы с давних пор занимались разносной торговлей в соседней Финляндии. Эта торговля в былые времена давала хороший заработок. В последнее же время (в третьей четверти XIX в.) финляндцы сами открыли почти в каждом приходе лавки, а в самой Финляндии разносная торговля была запрещена. По привычке корелы продолжали торговать контрабандно, в результате не редко они попадались, а их товар конфисковывался [35].

Значительную опасность представлял и сам промысел. Дело в том, что промышленники возвращались домой в сентябре в сезон штормов и нередко попадали в серьезные неприятности. Приведем лишь один показательный пример. Так, в начале сентября 1894 г. в Белом море разразился сильнейший шторм, это произошло как раз в то время, когда поморы возвращались с добычей. Несмотря на плохие суда «первобытной» постройки, с плохими снастями, полное крушение потерпело сравнительно небольшое количество судов, всего разбито 16 крупных палубных и 18 беспалубных судов, погибло 52 человека. Большинство же судов частью укрылось в безопасные места, частью продержалось на море [36].

Браки, в основном, заключались внутри села. Среди брачующихся встречались 16-летние девицы и 17-летние юноши. Имели место довольно большие возрастные разрывы. Так, бывало, что невеста младше жениха на 20 и более лет, случалось и наоборот когда невеста старше на 9 лет. Однако это являлось исключительным явлением, и обычно разрыв не превышал 3–4 лет. Среди долгожителей в 1864 г. зафиксирован максимальный возраст – 112 лет (крестьянская вдова Евдокия Федоровна Лангуева).

К 1917 г. в Керети имелись помимо завода, школа и больница [37]. Начальная школа системы Народного просвещения действовала с 1870-х гг., помимо этого при храме была еще церковноприходская школа [38].

Таким образом, селение в дореволюционный период развивалось самобытным путем, весьма характерным для аграрной провинции Российской империи. Быт здесь был полностью прописан и на протяжении нескольких столетий не изменялся. Рыбный промысел позволял поселянину не только кормить семью, но и развиваться. В известной степени рывок к капитализму в Керети дала реформа 1861 г., которая стимулировал экономический подъем в деревне.

Советский период. Советскую власть Кереть встретила в состоянии зажиточности. По данным Архангельского губернского продовольственного комитета, в ноябре 1918 г. в Керетской волости Кемского уезда проживало 2356 жителей обоего пола. Плотность населения составляла на одну версту – 0,4 человека. Площадь села Кереть была 237,8 десятины земли, 139 дворов, жителей обоего пола 448 человек (Пулангский – 26 десятин земли, 5 дворов,

31 житель), рабочего скота – 81, нерабочего скота – 938, одна школа, три кооператива, санитарный пункт, церковь, почтово-телеграфное отделение.

Гражданская война практически не тронула Кереть. Практически сразу после октябрьской революции в село вошли интервенты. Четыре английских корабля в губе стояли. Как вспоминала А.В. Морозова: «Наше село от интервентов овцами откупалось» [39].

В 1930 г. здесь было более 300 дворов. Вот как вспоминал старожил села И. Черкасов: *«Село наше было красивое. Улицы тесом мощены. По грязи керетчане ходить брезговали – мостки перед домом нахвощут дресвой, голиком. Кур, поросят не держали: вредливая тварь. Да петухи еще орать станут. Ой, нет, у нас тихо. Придет помор домой, у него окоян неутомимо в ушах ревет. Отдыхает отец-кормилец на оленьей постели. Дети вокруг молчат, глядят, отцу пятки чешут, массируют ступени ног, чтобы отца ноги не болели. Втирают при этом в кожу стоп рыбий жир, чтобы мозоли на ногах смягчить...»* [40].

На горе и под горой, на кряже, керетчане строили добротные двухэтажные хоромы с видом на плес. Дома обшиты тесом, выкрашены масляной краской. Верхняя, «летняя» изба полна светом. В нижней окошки малы, зато тепло. Здесь у печи зимовала сказка, пряла пряжу хозяйка-поморка, ремонтировала рыболовные сети, готовила пищу для своей семьи, вязала, вышивала, ткала половики, чесала шерсть.

Знаменитые двухэтажные амбары купца Савина на пристани украшались резьбой и предназначались не только для хранения продукции и других ценностей, но и служили местом для заключения торговых сделок с купцами-иностранцами. В хлебные амбары поступала мука из Архангельска.

Славилась Кереть и на русском Поморье, и у карел на леших-лесных озерах. С карелами керетчане кумились, роднились, гостевали. Председатель колхоза «Красный рыбак» И.А. Иванов вспоминал: *«Одна у нас вера – православная. Мы знали карельский язык, они по-русски говорить умели. На Лоухском озере карелы делали карбасы, продавали нам. И невест из Корелы мы брали почаству»* [41].

На околице села – «обетный» крест. Такие кресты ставили в память о знаменательных событиях, они служили навигационными знаками, были хорошо видны с моря. Скидывал шапку, завидя их, помор, «бегущий парусом» с Мурманна.

Многие крестьяне были не только земледельцами, но и рыбаками, ремесленниками. Крепкие рыбацкие сапоги выходили из-под рук сапожника В.Ф. Богданова. Умением ладить сети славился В.Г. Гусев, были отличные столяры, лодочники, кузнецы, резчики по дереву. Умели керетчане строить дома, заботливо и надежно объединив в единое целое зимние и летние избы, горницу, двор, сараи, чуланы, хлева. Кустарные изделия охотно покупались, приезжими промысловыми людьми из других мест. Керетчан умельцев зачастую нанимали на стройки С.-Петербурга и других городов России.

В период НЭПа Кереть продолжала довольно динамично развиваться. Из воспоминаний старожила Г.А. Нифакина: «В каждом дворе корова была, а то и две, не меньше десятка овец. У нас еще лошадь была.

Рыбу ловили. Селедочка была, сёмужка была. На веслах ездили за Сон-остров. До Сон-острова — 40 км, от Сон-острова — 52 км. Последняя наша тоня была — Кивиканда. Ловили сига, семгу, треску. А дальше уже Гридинские тони были. И в сторону Кандалакши ездили за 30 км. На веслах да на парусах. Для селетки делали бочки-сельдянки небольшие. Зимой бочки готовили. Возили рыбу в Архангельск. Оттуда везли продукты питания. На промысел трески ходили в Мурман. Всё на парусах. Треску ловили ярусами, на поддёв. Зверя добывали, на Шпицберген ходили. Один раз мне в сельдяную сетку 500 кг селетки попало. Я один поднял ее в лодку» [42].

В 1930 г. началась коллективизация. Рыбаки, как и в целом на территории СССР, ответили саботажем. В 1933 г. это привело к насильственному введению колхозной системы. При этом ряд лиц в селе был арестован, среди которых был и Феофан Черкасов. В результате репрессивных мер в 1933 г. был организован колхоз «Красный рыбак». Несмотря на то, что он носил статус рыболовецкого, хозяйство имело свои покосы, пахотные земли. Сажали картофель, сеяли рожь, овес, выращивали капусту, репу. Было стадо оленей, коров, лошадей. Собирали морскую траву. Но «Море – наше главное поле», – говорил И.А. Иванов [43].

В деревне были клуб, школа, участковая больница, пекарня, магазин, церковь, изба-читальня, библиотека.

В 1933 г. Ленинградский фольклорист А.И.Нечаев записал от жителей Керети 115 сказок, составивших два тома "Сказок карельского Беломорья". Столько сказок от одного человека еще не записывалось и не издавалось под одной обложкой.

Шли годы. Кереть увеличилась. В 1935 году в Керети проживал 1121 житель. В этот же период в Чупе проживало 1228 жителей, в Лоухи – 396 человек. Было около 300 домов, улицы были покрыты досками, дома двухэтажные, двухярусные амбары с огромными колесами – воротами для поднятия клады.

В период политических репрессий по не полным данным в селе был арестован 51 человек, из них 38 расстреляны. Все они в настоящее время реабилитированы.

**За XX век село Кереть сильно изменилось
фотографии в начале века и в конце**

В 1938–1939 гг. в рамках борьбы с религией церковь в Керети была закрыта [44]. Однако ликвидировать православие в селе было проблематично, вот как описывает празднование троицы старожил села Александра Васильевна Морозова: «Троицу праздновали. На поля выходили. Сарафаны кашемировые, повязки жемчужные. На поле смотрелись как цветы. Танцевали

кадриль. Меня крестная Павла Яковлевна учила, она бойкая была. А мама у меня была степенная, богомольная, нас в ежовых рукавицах держала» [45].

В годы Великой Отечественной войны в село Кереть была эвакуирована часть населения Пингосальми, Елетьозера и других населенных пунктов.

22 мая 1949 г. в селе случился большой пожар, в результате которого сгорело 17 домов и церковь Святого великомученика Георгия. После пожара в селе действовал молельный дом [46]. Как вспоминала А.В. Морозова: «Когда церковь горела в 1949 году, иконы спасли. Все село спасало, кто был. И старики, и женщины были на тонях. Меня дед старый заставил на колокольню залезть в колокола звонить, а я высоты боялась» [47].

В конце 1960-х гг. рыбный промысел и колхоз «Красный рыбац» стали приходить в упадок. В связи с увеличивающимися трудностями по доставке леса был закрыт лесозавод. По распоряжению властей в селе закрыли школу, больницу, магазин, пекарню, библиотеку. Был ликвидирован Керетский сельский совет. Население расселили по другим населенным пунктам (Лоухи, Чупа, Кемь).

Сегодня Кереть — это десяток полуразрушенных изб, в зависимости от времени года заросших густой травой по пояс или занесенных снегом. Летом в Кереть наведываются немногочисленные дачники. Зимой живет несколько человек – фермеров.

Поэт из Санкт-Петербурга Дмитрий Сухарев в стихотворении «Кереть» писал в 1984 году:

«В час ли полуночный, в утренний час,
Рано ли, поздно – бывает минута:
Все умолкает, и с Керети глас.
Явственно слышен хотя бы кому-то.
Кто нас зовет? – вопрошаю не вслух –
Мать ли поморская, дева ль морская?
Плоть ли по Керети бродит иль дух.
Бьется над Керетью, глас испуская» [48].

Примечания:

1. Рапенкова С. Кем знаменито село Кереть? // Соловецкое море. 2006. № 5.
2. Кереть – поморское село. <http://www.dizzaster.ru/dizzaster.php?id=5798> (Дата доступа 2.01.2011 г.).
3. Рапенкова С. Кем знаменито село Кереть? // Соловецкое море. 2006. № 5.
4. Рапенкова С. Кем знаменито село Кереть? // Соловецкое море. 2006. № 5.
5. Рапенкова С. Кем знаменито село Кереть? // Соловецкое море. 2006. № 5.
6. История. <http://www.cio.arcticsu.ru/projects/pr1589/istoria.html> (Дата доступа 2.01. 2011 г.).

7. Кереть – поморское село. <http://www.dizzaster.ru/dizzaster.php?id=5798> (Дата доступа 2.01.2011 г.).
8. Кереть – поморское село. <http://www.dizzaster.ru/dizzaster.php?id=5798> (Дата доступа 2.01.2011 г.).
9. Марков А.В. Материалы, собранные в Архангельской губернии летом 1901 г. <http://feb-web.ru/feb/byliny/texts/bst/bst-a18.htm> (Дата доступа 2.01. 2011 г.).
10. Федотов Г.П. Святые Древней Руси. Т. 8. М., 2000. С. 152.
11. Научное издание текстов «Повести» см. Дмитриев Л.А. Повесть о житии Варлаама Керетского // ТОДРА. М.-Л., 1970. Т. 25. С. 178–196.
12. Мы православные! <http://www.rushill.ru/molitvi-svyatim-v/molitva-ppredodobnomu-varlaamu.html> (Дата обращения 3.01.2011 г.).
13. Вехов Н. Русская Лапландия // Наука в России. 2011. № 1. С. 98–104.
14. Краткое историческое описание приходов и церквей Архангельской епархии. Вып. 3. Архангельск, 1896. С. 180.
15. Цит. по: Краткое историческое описание приходов и церквей Архангельской епархии. Вып. 3. Архангельск, 1896. С. 182.
16. Краткое историческое описание приходов и церквей Архангельской епархии. Вып. 3. Архангельск, 1896. С. 188.
17. Кереть – поморское село. <http://www.dizzaster.ru/dizzaster.php?id=5798> (Дата доступа 2.01.2011 г.).
18. Фруменков Г.Г. Соловецкий монастырь и оборона Беломорья. Архангельск, 1975.
19. Северная старина. <http://sitall-kzn.ru/?p=18> (Дата доступа 2.01.2011 г.).
20. Рапенкова С. Кем знаменито село Кереть? // Соловецкое море. 2006. № 5.
21. Очерк путешествия архангельского губернатора А.П. Энгельгардт в Кемский и Кольский уезды в 1895 году. Архангельск, 1895. С. 29–30.
22. Рапенкова С. Кем знаменито село Кереть? // Соловецкое море. 2006. № 5.
23. Государственный архив Мурманской области. Ф. 115. Оп. 1. Д. 1. Л.15.
24. ПСЗРИ, Собр. 3, Том 13, Ст. 9523, С. 218.
25. Очерк путешествия архангельского губернатора А.П. Энгельгардт в Кемский и Кольский уезды в 1895 году. Архангельск, 1895. С. 26.
26. Кереть – поморское село. <http://www.dizzaster.ru/dizzaster.php?id=5798> (Дата доступа 2.01.2011 г.).
27. Кереть – поморское село. <http://www.dizzaster.ru/dizzaster.php?id=5798> (Дата доступа 2.01.2011 г.).
28. Таблица составлена по материалам метрических книг (Национальный архив республики Карелия. Ф. 25).
29. Очерк путешествия архангельского губернатора А.П. Энгельгардт в Кемский и Кольский уезды в 1895 году. Архангельск, 1895. С. 21.

30. Очерк путешествия архангельского губернатора А.П. Энгельгардт в Кемский и Кольский уезды в 1895 году. Архангельск, 1895. С. 22.
31. Очерк путешествия архангельского губернатора А.П. Энгельгардт в Кемский и Кольский уезды в 1895 году. Архангельск, 1895. С. 23.
32. 1 фунт = 400 граммам.
33. Очерк путешествия архангельского губернатора А.П. Энгельгардт в Кемский и Кольский уезды в 1895 году. Архангельск, 1895. С. 24.
34. Очерк путешествия архангельского губернатора А.П. Энгельгардт в Кемский и Кольский уезды в 1895 году. Архангельск, 1895. С. 25.
35. Очерк путешествия архангельского губернатора А.П. Энгельгардт в Кемский и Кольский уезды в 1895 году. Архангельск, 1895. С. 16–17.
36. Очерк путешествия архангельского губернатора А.П. Энгельгардт в Кемский и Кольский уезды в 1895 году. Архангельск, 1895. С. 21.
37. Деревня Кереть <http://strana.ru/routes/195590> Дата обращения 14.01.2011 г.
38. Государственный архив Архангельской области. Ф. 6. Оп. 9. Д. 28. Л. 100–101, 149–150.
39. Рапенкова С. Кем знаменито село Кереть? // Соловецкое море. 2006. № 5.
40. Приполярье (Лоухский район). 1996. 20 янв.; Рапенкова С. Кем знаменито село Кереть? // Соловецкое море. 2006. № 5.
41. Приполярье (Лоухский район). 1996. 20 янв.
42. Рапенкова С. Кем знаменито село Кереть? // Соловецкое море. 2006. № 5.
43. Приполярье (Лоухский район). 1996. 20 янв.
44. Рапенкова С. Кем знаменито село Кереть? // Соловецкое море. 2006. № 5.
45. Рапенкова С. Кем знаменито село Кереть? // Соловецкое море. 2006. № 5.
46. Рапенкова С. Кем знаменито село Кереть? // Соловецкое море. 2006. № 5.
47. Рапенкова С. Кем знаменито село Кереть? // Соловецкое море. 2006. № 5.
48. Сухарев Д. «Кереть». Библиотека поэзии. <http://sukharev.ouc.ru/keret.html> (Дата доступа 5.01.2011 г.).

Сочи – режимный: некоторые особенности в советскую эпоху

И.И. Кучерова

Средняя общеобразовательная школа № 7, Сочи, Россия

Аннотация. В статье с привлечением архивных документов рассматриваются некоторые особенности режима в Сочи в советский период. Уделено внимание нормативно-правовой базе введенной в период сталинизма.

Ключевые слова: город Сочи, режим, особенности.

На современном этапе город Сочи привлекает к себе внимание, практически, всего мирового сообщества, так как является городом-хозяйном зимних олимпийских игр 2014 года. Действительно, город Сочи – это современный город-курорт с уникальными природно-климатическими условиями и хорошо развитой санаторно-туристской базой. Сейчас город преобразуется с каждым днем, это связано с реконструкцией старых и строительством новых объектов, расширяющих возможности города в сфере гостеприимства и предоставления санаторно-курортных услуг. Развитие города имеет государственное значение.

Такое же пристальное внимание со стороны государства к вопросу восстановления и развития города он переживал в послевоенный период. После окончания Великой Отечественной войны восстановление и развитие Сочи-Мацестинской группы курортов являлось одной из первоочередных задач, поставленных руководством страны.

После войны в городе шла стройка Всесоюзного масштаба. Необходимо было воссоздать берегоукрепительные сооружения, восстановить санаторную базу, решить вопрос электроснабжения. Началось строительство железнодорожного и морского вокзалов и многое другое. В развитие города вкладывались огромные средства, так как городу требовались срочные мероприятия по благоустройству [1-6].

В докладной записке Уполномоченного Совета Министров СССР по курорту Сочи-Мацеста тов. Кузьмичева С.Ф. «О положении на курорте Сочи-Мацеста и необходимых мероприятиях по благоустройству его на 1949 год» тов. Сталину от 12 октября 1948 года говорится: «На курорте очень тяжелое положение с жилищным фондом. Наряду с комфортабельными санаториями, город захламлен бараками из фанеры и старых ящиков, в которых проживают люди, обслуживающие эти санатории. Такая диспропорция получилась потому, что строящиеся санатории совершенно не беспокоились о жилье для своего обслуживающего персонала...

Эту проблему можно решить, обязав министерства и ведомства строить жилой фонд для своего персонала, а для приведения в порядок в ближайшее время центральной части курорта, необходимо снести безобразящие его бараки и разрешить строить на окраинах деревянные стандартные дома, строительство которых Постановлением Совета Министров РСФСР №595 от 7 сентября 1946 года запрещено» [7].

В городе появлялось все больше и больше строительных объектов. Одним из них являлась Краснополянская ГЭС. На ее строительство требовалось огромное количество рабочих и специалистов. Для решения этой проблемы Советом Министром СССР в 1949 году было принято решение об организации в районе понизительных подстанций в Сочи, Хосте и Мацесте лагеря военнопленных численностью 300 человек для строительства этих подстанций. Кроме того, было разрешено Краснодарскому МВД прописывать поступающую рабочую силу в порядке индивидуального набора на строительство Краснополянской ГЭС в Адлерском районе с последующей проверкой [8].

Трудно представить, что еще в середине XX века в городе Сочи ощущались серьезные трудности в вопросе обеспечения курорта автотранспортом и продуктами питания. Все эти проблемы руководству страны нужно было решить в срочном порядке. Городу были необходимы рабочие руки. Но коренного населения было недостаточно, а для привлечения рабочей силы из других регионов страны нужно было решить целый ряд проблем.

Мы уже упомянули о том, что в городе была острая нехватка жилой площади для размещения строительных рабочих, а также были серьезные ограничения, связанные с пропиской на территории Сочи-Мацестинского курорта, т. е. Сочи был режимным городом.

В письме в Министерство Внутренних Дел СССР от 15 мая 1949 года Уполномоченный Совета Министров СССР по Сочи-Мацестинской группе курортов Кузьмичев пишет генералу Круглову: «В связи с развитием Сочи-Мацестинской группы курортов и особенностью этой части Советского Союза вынесено решение Правительства о режимности Адлерского и Лазаревского районов.

Это абсолютно правильное и необходимое мероприятие имеет некоторые особенности стесняющие работы, которые важны для Сочи-Мацестинской группы курортов. В частности, по решению Правительства строится ускоренными методами Краснополянская ГЭС. Рабочую силу на строительство закрепить очень тяжело.

Имеющаяся рабочая сила по разным причинам убывает (болезни, окончание срока вербовки, призыв в армию, уход по специальным решениям). По этим причинам за последние четыре месяца ушло более 150 человек высококвалифицированной рабочей силы...

Пополнение рабочей силы до сих пор шло за счет притока в порядке индивидуального прямого найма. В связи с выходом этого постановления Адлерский Рай МВД отказывает в прописке этих людей и требует предварительной оргвербовки, что равносильно отказу вообще...» [9].

Таким образом, мы видим, что в документе прямо говорится о режимности города. Кроме того, знакомясь с архивными материалами, мы нашли целый ряд документов, свидетельствующих о том, что процесс восстановления и строительства послевоенного города контролировали такие высокопоставленные лица, как И.В. Сталин, Л.П. Берия и т.д. Только на строительство нового железнодорожного вокзала по личному распоряжению Сталина в город прибыло 300 строителей.

Николай Михайлович Карнаухов был одним из строителей, который в конце 40-х годов приехал в Сочи для работы на стройке, а потом и сам занимался «вербовкой» строителей по всему Советскому Союзу. Вспоминая об этом времени, он рассказывал: «Я прибыл в Сочи в 1949 году, до этого я уже работал на строительстве в Грузии. Не успел я выйти из вагона, как ко мне подошел милиционер и попросил предъявить документы» [10]. Из этого рассказа мы также можем сделать вывод о режимности города Сочи.

Кроме того, в нашем городе в тот период времени очень любил отдыхать И.В. Сталин и славу негласной «летней столицы» наш город получил еще в 40-х годах. Пребывание руководителей высшего звена в нашем городе также способствовало усилению режимности города.

Примечания:

1. Зайцев А.М. Послевоенное развитие г. Сочи: некоторые проблемы истории и историографии // История и историки в контексте времени. 2004. № 2. С. 176–191.

2. Натолочная О.В. Государственно-правовое регулирование паспортного режима в городе Сочи в 1920–1990-е гг. // Былые годы. Черноморский исторический журнал. 2011. № 1. С. 77–80.

3. Натолочная О.В. Последствия Великой Отечественной войны на курорте Сочи: историко-демографический аспект // Былые годы. Черноморский исторический журнал. 2007. № 2. С. 21–25.

4. Натолочная О.В. Восстановление хозяйства города-курорта Сочи в 1945 – начале 1950-х гг. // Былые годы. Черноморский исторический журнал. 2006. № 2. С. 25–33.

5. Натолочная О.В. Санаторно-курортные учреждения города Сочи в 1945–1947 гг.: трудности восстановления // Былые годы. Черноморский исторический журнал. 2007. № 4. С. 12–16.

6. Натолочная О.В. Рационализаторство и трудовой порыв сочинцев по восстановлению и развитию города Сочи в 1945–1950-е гг. // Былые годы. Черноморский исторический журнал. 2008. № 3. С. 14–23.

7. Архивный отдел администрации города Сочи (АОАГС). Ф. Р-3. Оп. 1. Д. 152. Л. 4.

2. АОАГС. Ф. Р-3. Оп. 1. Д. 159. Л. 6.

3. АОАГС. Ф. Р-3. Оп. 1. Д. 159. Л. 11.

4. Из интервью с Н.М. Карнауховым от 23.06.2006 г. // Личный архив Кучеровой И.И.

Историческое знание как тестовая методика анализа фона напряженности на юге России

Т.П. Хлынина

Институт социально-экономических и гуманитарных исследований Южного научного центра Российской академии, Россия

Аннотация. Статья посвящена выявлению возможностей современного исторического знания в диагностировании ситуации на юге России. Отмечается, что высокая степень присутствия прошлого в жизни народов региона, активная апелляция к нему в спорных ситуациях обосновывают необходимость проведения исторической экспертизы. Предлагается авторская методика взаимосвязи типов исторической памяти северокавказских народов с текущими политическими событиями.

Ключевые слова: исторические знания, текстовая методика, юг России.

Изменения, переживаемые современной историографической практикой, а также утверждающиеся представления об истории как о сфере приблизительно достоверного знания придают науке о прошлом ряд принципиально новых возможностей не только сугубо познавательного, но и практического свойства. В частности, обозначившиеся потребности в технологизации социально-гуманитарного знания, нацеленные на глубинное осмысление кризисных явлений как общенационального, так и регионального порядка, актуализируют востребованность опыта прошлого по обеспечению устойчивого развития российского общества в условиях его кардинального реформирования. Вместе с тем, сохраняющиеся особенности социально-экономического и культурного многообразия российских регионов требуют не только прояснения причин их возникновения и характера современного бытования, но и возможностей дальнейшего использования.

Оценка потенциала и перспектив сложившихся на сегодняшний день систем жизнеобеспечения, по преимуществу, полиэтничных и поликонфессиональных субъектов РФ нуждается в комплексной экспертизе, неотъемлемой частью которой выступает историческое знание. Его привлечение к обеспечению эффективности развития южного макрорегиона будет способствовать снижению степени социальных рисков и выработке научно обоснованных стратегий принятия и реализации тех или иных решений. При этом ряд особенностей знания о прошлом, наличие разнообразных практик его истолкования и одновременное сосуществование несхожих и зачастую взаимоисключающих представлений о нем требуют весьма осторожного обращения с историческим наследием.

История и ее положение в современном обществе. Представление об истории как огромном резервуаре разнообразных знаний о прошлом, ха-

рактер и оценка которого весьма неустойчивы и подвержены идеологической конъюнктуре, составили ей репутацию во многом ложную и до некоторой степени поверхностную. Длительное время, сопрягаясь в общественном сознании с совокупностью происшедших событий, история постепенно утрачивала свое второе и более отвечающее ее сути предназначение – быть повествованием о происшедшем, своего рода нарративным текстом. Между тем, именно повествовательность придает процессу воскрешения прошлого те смысловые коннотации, посредством которых оно «встраивается» в современную нам действительность, претендуя на связь времен и поколений. Более того, именно в этом своем предназначении история властно вторгается в сферу общественного сознания, формируя направленное восприятие прошлого и его осязаемое присутствие в уже иной, но остающейся с ним неразрывно связанной реальности настоящего.

В своем обращении к историческому прошлому современные общества, за редким исключением, преследуют цели сугубо воспитательного характера, практически не выходящие за рамки созидания гражданского патриотизма и высоких образцов беззаветной преданности и служения Отчизне. Его привлечение к более серьезным аналитическим оценкам и экспертным заключениям рассматривается весьма скептически и настороженно, что, помимо идеологической ангажированности исторического знания, связывается и с не разработанностью его экспертных возможностей.

Особые отношения российского общества с собственным прошлым, когда оно становится не столько источником его развития, сколько выражением цивилизационной гордости и культурной своеобразности, сформировало и особое положение гуманитарного знания в социальном пространстве. Нормальным признается «его маргинальное место. Когда общество готово забыть о своих насущных заботах и обуюно страстью узнать, что случилось в далеком или недалеком прошлом, с ним что-то не в порядке: оно страдает либо от внутреннего антагонизма, либо от комплекса национальной вины, либо от комплекса национальной неполноценности. Для обычного общества его история и его культура остаются данностью, в принципе важной для его самосознания, но лишенной злободневного азарта» [1].

Современное общество с его сложносоставной социальной структурой, одновременным сосуществованием анклавов традиционализма и проявлений постиндустриального мира все чаще обращается к истории как науке, которая «стабилизирует наш образ прошлого, тогда как нормальным процессом является именно его изменение» [2]. Завораживающая обращенность в прошлое, а также активная апелляция к нему характерны для большинства российских народов. Однако наиболее выраженную форму они приобретают в регионах, где этнические преференции получают правовую поддержку и институциональное закрепление в системе органов государственной власти и управления.

Системная характеристика макрорегиона, показатели устойчивости его развития и механизмы возникновения очагов потенциальной напряженности. Южный макрорегион, в состав которого входят различные администра-

тивно-территориальные и национальные образования, а население тяготеет к предельной выраженности этнического и конфессионального разнообразия, одновременно относится к территориям с большими возможностями для развития и к самым проблемным регионам страны. Амбивалентность данной характеристики исходит из множественности системообразующих признаков, чье крайне неравномерное распределение в ее пределах приводит к неустойчивости существования самой системы. Обеспечение ее эффективного функционирования во многом предопределяется ориентацией на (а) устойчивое развитие, (б) типом системы, а также доминирующим характером взаимосвязи образующих ее элементов и их конфигураций.

(а) Принцип «*sustainable development*», вошедший в русскоязычную исследовательскую практику как «устойчивое развитие», имеет естественнонаучное происхождение. Он зародился в среде специалистов, занимающихся проблемами развития популяций, жизнедеятельность которых проходит в той или иной конкретной экосистеме и не должна нарушать ее целостности. Впоследствии данное понятие с легкостью перекочевало в политическую сферу «в виде своеобразного компромисса между научным пониманием современной реальности и стремлением предложить ее более реалистические перспективы» [3]. В настоящее время понятие устойчивого развития соотносится с любыми изменениями, воспринимаемыми в качестве положительных. Согласно принципу Парето-эффективности, выступающему в качестве индикатора положительности восприятия любых преобразований, происходящих в наиболее значимой социальной сфере, устойчивым будет признаваться такое изменение положения социального объекта, которое не приведет к снижению положения других, связанных с ним объектов.

(б) Социальные системы, в соответствии с классификацией Р. Флада и М. Джексона, подразделяются по принципу количественной и качественной характеристики составляющих их элементов на простые и сложные, по виду участия элементов и подсистем в обеспечении их жизнедеятельности – на жесткие и мягкие. В основе выделения жесткого и мягкого типа социальных систем лежит определенный тип взаимосвязи элементов системы:

- унитаризм, предусматривающий высокую степень согласия относительно целей, ценностей и установок и предполагающий участие всех элементов системы в выработке основополагающих решений;
- плюрализм, согласно которому интересы и ценности участников системы могут различаться, но согласие между ними достижимо за счет выработки компромиссного решения;
- принуждение, когда интересы, цели и ценности участников системы различны, приводят к конфликтам, в результате которых одна часть системы навязывает свои решения другой.

Унитаризм составляет основу исследования жестких систем и представлен методами исследования операций, системотехникой и методологией жизнеспособных систем. Все они ориентированы на решение задач оптимизации текущих процессов. Плюрализм обеспечивает изучение мягких систем, в жизнедеятельности которых принцип их внутреннего разнообразия

признается основополагающим. Методология мягких систем предназначена для выявления различных точек зрения и постепенного достижения взаимопонимания. Принуждение является основой существования так называемых критических систем. Их исследование нацелено на принятие во внимание точек зрения всех заинтересованных сторон, учет последствий изменений и возможных побочных эффектов принимаемых решений.

Южный макрорегион как системное образование представляет собою сложную систему с одновременным доминированием двух типов взаимосвязи – плюрализма и принуждения – и соответственно двух типов систем – мягких и критических. При этом они не просто сосуществуют в пределах пространства одного макрорегиона, а одновременно представлены в рамках одной и той же подсистемы. Наиболее наглядно отмеченная особенность проявляется в области государственного управления и форм административно-правового устройства, совмещающих приверженность однозначности государственных интересов и разнообразию их реализации. Совмещение в едином пространстве различно организованных систем, характер внутренней взаимосвязи которых воспринимается нарушением принципа Парето-эффективности, становится источником его потенциальной дестабилизации и очагов тлеющей и открытой конфликтности.

Неравномерность как базовая системообразующая характеристика макрорегиона становится источником фонового (шумового) напряжения его развития. Проявления фоновой напряженности весьма разнообразны и колеблются от особенностей ресурсного обеспечения до болезненного восприятия прошлого, «живым» напоминанием которого все еще остаются территориальные конфликты и «войны памяти». По оценкам экспертов, в 1990-е гг. «динамика напряженности на юге России была во многом обусловлена усилением значимости исторического контекста в связи с ошибками и просчетами Федерального Центра в формировании и проведении региональной этнополитики» [4]. Именно в этот период инструментом этнокультурной идентификации северокавказских народов станет историческая память с ее весьма болезненным отношением к событиям Кавказской войны XIX в., национально-государственному строительству и депортациям. И хотя в последующие десятилетия удалось достигнуть значительного снижения «исторического» фона конфликтности в регионе, он все еще остается довольно высоким и во многом провоцируется непродуманными мероприятиями и инициативами той же власти. К их числу можно отнести широко празднуемые в конце 2007 г. 450-летние юбилеи присоединения северокавказских республик к России. Не говоря уже о научной некорректности и сомнительности оценок подобного рода событий, их политическая непродуктивность оказалась более чем очевидной.

Экспертиза и экспертные возможности исторического знания. Экспертиза как тестовая методика обычно применяется в ситуациях, когда решение ставящейся перед исследователем либо практиком задачи затруднено в силу определенного рода обстоятельств: новизны анализируемого явления, комплексности его природы, отсутствия общепринятых практик фиксации и

инструментария наблюдения. В данном случае речь идет о классе трудно-формализуемых задач, для разрешения которых требуется привлечение специалистов, обладающих соответствующим опытом и знаниями. Экспертное заключение включает в себя диагностику состояния исследуемого объекта (процесса), установление информации о нем и окружающей среде, прогнозирование его последующих изменений и влияния на другие объекты (процессы), выработку рекомендаций для принятия последующих управленческих решений. Обоснованность и необходимость проведения исторической экспертизы на Юге России обуславливается высокой значимостью знания о прошлом в общественном сознании народов региона; его «живым» присутствием в обеспечении жизнеспособности национальных образований, сложностью территориальной конфигурации самого региона, внутренние и внешние границы которого свою легитимность зачастую обретают лишь в пространстве исторических реалий. При этом исторические реалии и память о них относятся к подвижным и, по большей своей части, рукотворным образованиям, чья актуализация приводит к довольно неоднозначным и зачастую конфликтным последствиям.

На «подвижные» взаимоотношения истории и памяти одним из первых обратил внимание французский историк П. Нора, отметивший: «История – это всегда проблематичная и неполная реконструкция того, чего больше нет. Память – это всегда актуальный феномен, переживаемая связь с вечным настоящим. История же – это репрезентация прошлого. Память в силу своей чувственной и магической природы уживается только с теми деталями, которые ей удобны» [5]. Воплощением этого «детального удобства» становятся так называемые «места памяти» – «отдельные точки кристаллизации нашего коллективного наследия, главных мест, в которых сосредоточена национальная память» [6], «красивое выражение, ставшее золотой жилой, находкой, благодаря его способности удовлетворить потребности коллективных переживаний» [7]. Для народов региона ими стали: вхождение в состав Российской империи; Кавказская война и ее последствия; мухаджирство и трагедия адыгского этноса; советская национальная политика и репрессии предвоенного времени; депортации ряда северокавказских народов. Настойчивое обращение профессиональной историографии к отмеченному сюжетному ряду придает отдельным событиям прошлого особое положение в пространстве национальной памяти. Именно они становятся тем движущим локомотивом национального сознания, небезуспешно формируемого и разнообразными практиками современного историописания, который переиначивает образы прошлого, наделяя их животворящим присутствием в настоящем.

По характеру и силе воздействия на современное развитие народов Юга России «память о прошлом» (в основном концентрируемая в «местах памяти») условно подразделяется на ту, которая постоянно присутствуют в жизни народов и все происходящее как бы пропускает через себя; и ту, которая действует избирательно, при определенных обстоятельствах. Общества с первым типом воздействия памяти, по терминологии некогда предложен-

ной К. Леви-Стросом, относятся к «горячим», со вторым типом – к «холодным». Именно в обществах «горячего» типа фоновая напряженность в большей степени провоцируются «памятью прошлого», отягощенного его зримым присутствием во властных и административно-территориальных реалиях настоящего. В данной связи представляется возможным к обществам «горячего типа» на Юге России отнести:

- Кабардино-Балкарию и Карачаево-Черкесию, где зримость прошлого находит отражение в сосуществовании двух «титulyных» этносов и осложняется синдромом «этнической ущемленности» одного из них;

- Адыгею, где «титulyный» этнос пребывает в ситуации численного меньшинства и постоянной угрозы «утраты национальной идентичности»;

- Северную Осетию с синдромом «разделенного этноса.

В свою очередь, к обществам «холодного» типа возможно отнести:

- Чеченскую республику и Ингушетию, где желание «жить по заветам великих предков» уступает место необходимости решения куда более насущных и неотложных проблем сегодняшнего дня;

- Республику Дагестан, поставленную в ситуацию необходимости выработки единого прошлого для проживающих в ее пределах народов;

- Республику Калмыкия, где синдром «депортированного народа» имеет выборочный механизм включения и амортизируется различного рода реабилитационными программами и мероприятиями федерального центра.

Предложенная градация весьма условна, до некоторой степени спекулятивна и подвержена изменениям внешнего порядка. Тем не менее, она отражает довольно высокий уровень воздействия прошлого на состояние и динамику современности. Наличие в регионе системного этнополитического кризиса, протекающего в условиях начавшегося процесса реполитизации этничности и архаизации общественно-политической жизни северокавказских народов, требует комплексной экспертизы, чьей непременной составляющей становится знание о прошлом, амортизируемое особенностями национального сознания и исторической памяти.

Примечания:

1. Живов В. Наука выживания и выживание науки // Новое литературное обозрение: Специальный выпуск «Институты нашей памяти: архивы и библиотеки в современной России». 2005. № 4. С. 27.

2. Зенкин С. Свидетели, историки, филологи // Новое литературное обозрение: Специальный выпуск «Институты нашей памяти: архивы и библиотеки в современной России». 2005. № 4. С. 559.

3. Моисеев Н.Н. Судьба цивилизации. Путь разума. М., 2000. С. 69.

4. Авксентьев В.А., Гриценко Г.Д., Дмитриев А.В. Динамика регионального конфликтного процесса на юге России (экспертная оценка) // Социологические исследования. 2007. № 9. С.73.

5. Нора П. Франция – память. СПб., 1999. С. 20.

6. Там же. С. 67.

7. Там же. С. 76.

Новый кадастр сочинских пещер: быть или не быть?

Е.В. Захаров

Русское географическое общество, сочинское отделение, Россия

Аннотация. В статье рассматривается вероятность создания нового кадастра сочинских пещер.

Ключевые слова: кадастр, пещеры, город Сочи.

Динамика роста как количественных, так и качественных результатов спелеологических исследований в 90-е годы XX – начале XXI вв., пиком которых, без сомнения, можно назвать открытие и исследование глубочайшей на Земле карстовой пещеры – Крубера (Сибирской, Вороньей) – 2158 м [8], впечатляет и поражает.

Не остался в стороне от этой тенденции и район Большого Сочи. Наиболее значимыми в спелеологическом отношении открытиями, пожалуй, можно назвать работы: на хребте Алек – прохождение сифона на -205м в пещере Медвежья [11, 12], углубление пещеры Дворцовой [11], соединение пещер Ручейная – Заблудших и Школьной в единую систему [3]; открытие сочинскими спелеологами изрядного количества новых спелеообъектов на, казалось бы, исхоженных вдоль и поперек территориях карстовых массивов [1, 4].

По состоянию на 1990 год только в Сочинском спелеологическом районе насчитывалось 175 карстовых подземных полостей – пещер (Алек – 25, Западный Ахцу – 26, Восточный Ахцу – 6, гора Высокая – 4, Воронцовский – 24, Дзыхра – 31, Ахштырь – 50, Ахун – 9) [2, 7], а по данным на 01.01.2007 год – 199 пещер, не стоит забывать, что и закарстованные территории Фиштинского (104 пещеры) и Лазаревского (9 пещер) спелеорайонов также, административно принадлежат Большому Сочи. Становится совершенно очевидно, что имеющийся перечень (кадастр) пещер Сочи на настоящее время явно неполон и, очевидно, неточен; при этом сама проблема составления, ведения и обновления Кадастра была и остается важной и актуальной.

Как известно, кадастр (от франц. Cadastre) – это систематизированный свод сведений, составляемый периодически или путем непрерывных наблюдений над соответствующим объектом [10]. В нашем случае объектами наблюдений и систематизации сведений являются пещеры Большого Сочи.

Следует отметить, что систематизация сведений о пещерах невозможна без детального спелеологического районирования. Эта тема достаточно хорошо проработана и наиболее полно освещена в труде сочинских спелеологов В.А. Исаева и В.Д. Резвана [6]. Большинство исследователей сходятся во

мнении о ранжировании закарстованных территорий по следующей цепочке: страна – провинция – область – подобласть – округ – подокруг – район – подрайон – участок – подучасток. Деление крупных категорий на более мелкие постепенно и закономерно происходило по мере накопления и детализации фактографического материала спелеоизученности. Так, в свете последних открытий, авторы [6] и выделили категорию подучастка. Данный подход к спелеологическому районированию, применительно к Большому Сочи наиболее приемлем, исходя из того, что административно Большой Сочи расположен на территории, относящейся к двум спелеологическим областям – Осевой зоны и Южного склона, которые в свою очередь принадлежат к провинции Большого Кавказа Крымско-Кавказской страны. В целом данный подход к районированию лежал в основе ныне действующего Кадастра и, вероятно, и в дальнейшем, при составлении обновленных версий всего массива данных о подземном карсте Сочи, необходимо будет этой концепции придерживаться.

Существующий на данный момент Кадастр пещер Сочи, составленный Адлерской комплексной инженерно-геологической и гидрогеологической Лабораторией ПНИИС Госстроя СССР, совместно с Лабораторией карстологии и спелеологии Симферопольского государственного университета в 1986 г. и опубликованный в печатных изданиях [2, 7], имел прикладное значение в исследованиях по проблеме противокарстовой защиты города-курорта Сочи. Соответственно, и набор исследуемых позиций был сведен к морфометрическим показателям карстовых подземных полостей, вопросам их типизации и указаний организаций, проводивших исследования данных конкретных объектов. Вероятно, этих сведений должно быть достаточно и для решения иных задач, связанных с изучением карста исследуемого региона.

В настоящее время ссылки на этот документ стали общепринятыми, а многочисленные спелеоколлективы, открывая «свои» пещеры, пытаются присваивать им некие кадастровые номера, якобы в соответствии и по аналогии с имеющимися, а также перерабатывать данные и дополнять Кадастр новыми наблюдаемыми позициями. Грешит некоторой точностью и первоначальный вариант. Вполне возможно, это результат технических ошибок наборщиков или корректоров. Хотя некоторые неточности и нестыковки были обнаружены и в оригинальном Отчете о научно-исследовательской работе АКЛ ПНИИС Госстроя СССР [9]. Есть претензии и к качеству топографических материалов, что вероятно, связано с различиями в уровне подготовки и профессионализма топосъемщиков различных исследовательских групп. Следует также упомянуть и о проблеме политопонимности [5] некоторых спелеообъектов, что тоже вносит изрядную долю в начинающийся складываться хаос. Такое положение вещей не может быть правильным и приемлемым.

Тем не менее, взяв за основу имеющийся Кадастр, вполне целесообразно включить некоторые позиции и данные из него в обновленный и дополненный вариант, который следует в большей степени унифицировать и оптимизировать с учетом современных требований такого рода сводам данных. К таким позициям, думается, необходимо отнести категорию ценно-

сти спелеообъекта (в баллах), имеющийся или предполагаемый (рекомендуемый) статус объекта, как Памятника природы, истории и культуры различных рангов. Для «внутреннего» профессионального карстолого-спелеологического использования логично было бы добавить географические координаты объектов, и, может быть, спортивную составляющую прохождения.

Несомненно, что, несмотря на те узкоспециальные цели, которые преследовали авторы Кадастра в редакции 1986 г., само его появление явление весьма положительное.

Однако из вышеизложенного явственно следует все более возрастающая актуальность обновления Кадастра пещер Сочи, работу над новой версией необходимо строить по следующей схеме:

1. Обобщение первоисточников, в первую очередь картографических, на базе Кадастра в редакции 1986 г.;
2. Восстановление связи со спелеоколлективами и отдельными исследователями, проводившими работы на закарстованных территориях Сочи с целью пояснения, расшифровки и дополнения сведений, содержащихся в Кадастре в редакции 1986 г.;
3. Обобщение современных данных по исследованиям карста Сочи;
4. Проведение полевых исследований с целью уточнения и исправления неточностей, проверки основных морфометрических параметров спелеообъектов, идентификации спелеообъектов, изучения их нынешнего состояния, составления географических координатных привязок, фотодокументации входов в подземные карстовые полости;
5. Обработка полученных результатов и сведение их в единый Кадастр новой версии.

Структура новой версии Кадастра, вероятно, должна быть следующей:

1. Общая описательная часть, содержащая сведения о геологических, геоморфологических, гидрологических, гидрогеологических, климатических и др. условиях рассматриваемого района; отдельные обзорные схемы, таблицы отдельных показателей и т.д.;
2. Таблицы и схемы карстолого-спелеологического районирования (от макротерриторий к минитерриториям);
3. Таблицы сводных показателей спелеообъектов;
4. Описания подземных карстовых полостей;
5. Рекомендации по использованию, охране, защите спелеообъектов, перспективы дальнейших исследований.
6. Топографические и фотоиллюстративные материалы.

Итогом данной работы должен стать обновленный Кадастр подземных карстовых полостей Сочи, учитывающий все изученные природные спелеоресурсы города-курорта и обеспечивающий возможность оперативного обновления базы данных за счет включения сведений о результатах новейших карстолого-спелеологических исследований.

Примечания:

1. Божкова И.С. Новейшие карстолого-спелеологические исследования в районе урочища Белые скалы / Карст и пещеры Кавказа. Сочи, 2003. С. 85–87.
2. Дублянский В.Н., Клименко В.И., Вахрушев Б.А., Резван В.Д. Комплексные карстолого-спелеологические исследования и охрана геологической среды Западного Кавказа. Сочи, 1987.
3. Иванов Н. Было две пещеры, стала одна // Вольный ветер. 2005. № 71.
4. Исаев В.А. Карстолого-спелеологические открытия на массиве Алек за 1998–2003 гг. / Карст и пещеры Кавказа. Сочи: Кавказ, 2003. С.71-78.
5. Исаев В.А., Коваль А.Г., Резван В.Д. К проблеме унификации названий политопонимных спелеообъектов на территории Большого Сочи // Большой Сочи в прошлом и настоящем: материалы Первой межвузовской научно-практической конференции 22–23 апреля 2005 г. Сочи, 2005. С.127–135.
6. Резван В.Д., Диденко Н.В. Результаты и перспективы палеонтологических и археологических исследований в Воронцовской пещере // Русская старина. 2012. № 1 (5). С. 14-21.
7. Клименко В.И., Резван В.Д., Дублянский В.Н. Инженерно-геологическое районирование территории развития горного известнякового карста для обоснования защитных мероприятий. Сочи: ПНИИИС, 1990. Т.1.
8. Клименко В.И., Резван В.Д., Дублянский В.Н. Инженерно-геологическое районирование территории развития горного известнякового карста для обоснования защитных мероприятий. Сочи, 1990. Т.2.
9. Климчук А.Б. Глубочайшая пещера на Арабике и эволюция Черного моря // Свет. 2006. №2(31). С. 33-36.
10. Отчет о научно-исследовательской работе. Кадастр карстовых полостей Сочинского курортного района. М. - Сочи, 1986.
11. Советский Энциклопедический словарь. М., 1983.
12. Шумейко А.Ф. Исследования на Алеке, Западный Кавказ // Спелеология в России. М., 1998. Вып. 1. С. 13–14.
13. Шумейко А., Провалов Д. Хребет Алек: Медвежья пройдена с -205 до -413 м // Свет. 1993. №4(10). С. 29–30.